

Институт идеальных жен

Автор:

Ольга Каблукова

Институт идеальных жен

Екатерина Каблукова

Ольга Александровна Куно

Необыкновенная магия. Шедевры Рунета

Что делать, если овдовевшая мачеха сдала тебя в пансион, а после подыскала старого жениха? Конечно же, бежать! Как быть, если любящие родители надумали выдать тебя замуж за самодовольного наглеца, который даже не потрудился узнать, как ты выглядишь? Бежать, бежать и еще раз бежать! Пускай он тысячу раз красив, знатен и ироничен. Как поступить, если тебя бросила навязанная против воли невеста? Мчаться за ней сломя голову – как минимум дабы высказать все, что ты думаешь об избалованных девчонках! Как исправить положение, если твой верный слуга, управляя каретой, окатил водой замерзавшую на улице девушку? Предложить подвезти, а там будь что будет! А вот разрешать эту запутанную ситуацию придется уже вчетвером.

Ольга Куно, Екатерина Каблукова

Институт идеальных жен

© О. Куно, Е. Каблукова, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Как правило, ворота пансиона благородных девиц Святой Матильды были наглухо закрыты для представителей мужской половины человечества, вне зависимости от возраста и положения в обществе. Исключения делались лишь для официальных женихов, да и то не всегда, к тому же подобные свидания непременно проводились в присутствии нескольких наставниц, дабы невеста не была никоим образом скомпрометирована. Пансион почитался заведением престижным, строгим и благопристойным, а это накладывало на его попечительниц определенные обязательства. Однако местные обычаи были мало известны приезжим. Поэтому кавалер Эндрю Гейтс даже не подозревал, сколь сильно ему повезло, когда степенный привратник распахнул перед ним внушительную кованую дверь. Впрочем, вряд ли юноша счел бы себя везунчиком, если бы знал, к чему приведет простое, казалось бы, поручение: передать девице Флоре Энбрасс, бывшей его соседке, письмо от ее матери.

Если бы в тот день случайный свидетель оказался рядом с Эндрю во внутреннем дворе, он мог бы наблюдать незабываемую картину. Молодая девушка в пышном светлом платье стояла на карнизе, вцепившись обеими руками в водосточную трубу, и, тяжело дыша, глядела вниз, будто набиралась решимости. По румяным щекам в два ручья текли слезы, а затянута в корсет грудь чувственно вздымалась и опускалась, что было особенно очевидно, учитывая глубокое декольте.

– Нет-нет, не отговаривайте меня! Я прыгну! – решительно воскликнула она, не отнимая, однако, рук от спасительного желоба.

– Ни в коем случае! Леди, вы не должны этого делать! – вскричал, запрокинув голову, молодой человек.

Он нервно переступал с ноги на ногу и машинально вытянул перед собой руки, дабы попытаться поймать девушку, если она все же решится на отчаянный шаг.

Многочисленные пансионерки жадно следили за развитием событий, высунувшись из того самого окна, через которое Флора совсем недавно выбралась на карниз. Девушки старались незаметно, как того требовали приличия, вытеснить соседок с наиболее выгодных с точки зрения обзора мест.

– Меня ничто не держит на этом свете! – пафосно воскликнула ученица, немного погрешив против истины: широкий карниз держал ее весьма неплохо.

– Неправда! Вот увидите: завтра вы проснетесь, и мир представится вам совсем другим! – попытался внушить ей оптимизм Эндрю и тут же, сглотнув, опустил глаза: нижняя юбка потенциальной самоубийцы задралась ровно настолько, чтобы обнажить изящные икры, плотно обтянутые светлыми чулочками.

Разумеется, он тут же вновь задрал голову – и, несколько не рассчитав, встретился взглядом с каменной горгульей, в пасти которой как раз и брала свое начало труба водостока. Чудовище с ехидным прищуром словно говорило: «Ну что, парень, вляпался?»

– Ах, завтра ровным счетом ничего не изменится! – вздохнула девица. – В моей жизни ничего не складывается. Я плохо учусь!

– Ой, ну что вы, кого беспокоят такие глупости? – пылко возразил юноша. – Знали бы вы, сколько раз мне доставалось от нашего капитана!

– У меня слабое здоровье!

Такие мелочи, как конфликт собеседника с командиром, не могли отвлечь Флору от собственных неприятностей.

– Вам просто нужен человек, который станет о вас заботиться и опекать! – заверил Эндрю и лишь затем почувствовал, что из него весьма ловко вытянули именно этот ответ.

– Ну какой человек? У меня даже друг совсем нет!

Здесь для пущей убедительности следовало бы заломить руки, но девушка была достаточно благоразумна, чтобы продолжить держаться за злосчастный водоотвод.

– Да что вы! Вот же они! Видите, как всех этих милых девушек волнует ваша судьба?

Милые девушки с громким хихиканьем отпрянули от окна.

– Меня никто не любит!

Русло, которое принимал разговор, нравилось кавалеру все меньше. Может быть, пусть прыгает? Он прикинул, сможет ли благополучно поймать девушку при таком раскладе. Увы, он даже в полку своем успел прославиться худобой, а пансионерка была хотя изящна, но все же не миниатюрна. Вряд ли она весила намного меньше его.

– Ваша мама вас любит! – Юноша попытался спасти положение с отчаянием солдата, который понимает, что сражение проиграно, но мысленно слышит приказ командира: «Ни шагу назад!»

– Ах, Эндрю, вы так наивны! Разве женщине может быть этого достаточно?

Кавалер опасливо огляделся. Его мозг внезапно переключился на решение физической задачи: на сколько шагов следует отступить, чтобы его одежду не забрызгало кровью, если девушка все-таки решится оставить вместо себя крупное пятно на мощеном дворе?

– А... ну... – Эх, была не была! – А знаете, вы Дику Лойсу очень нравитесь. Из особняка на Еловой улице, помните его? Я вот прямо сейчас поскачу и с ним поговорю.

И, не оглядываясь, brave кавалер Эндрю Гейтс капитулировал с позорно высокой скоростью.

Жизнь пансиона потихоньку возвращалась к своему обычному размеренному течению. Ученицы расходились, хихикая и перешептываясь. Несостоявшаяся самоубийца осторожно влезла обратно в окно с помощью одной из преподавательниц.

– А что здесь случилось? – испуганно спросила молоденькая белокурая девушка, совсем недавно начавшая свое обучение, у более опытной пансионерки.

– А это Флора Энбрасс в пятый раз завалила курсовую работу на тему «Самоубийство как средство манипуляции мужчинами», – равнодушно ответила та.

Глава 1

Помолвлены по принуждению

Мейбл

Из-за столпотворения в коридорах я опасалась, что опоздаю на лекцию, но повезло: успела буквально за минуту до начала. Заняла привычное место, приготовила чистый лист бумаги для записей. Подставки для перьев и чернильницы были заранее расставлены на партах. Пожилая учительница мисс Маргарет, невысокая и полноватая, с волосами, собранными в пучок на затылке, и идеальной осанкой, степенно прошествовала к своему месту, окидывая класс критическим взглядом. Мы все невольно подобрались, тоже распрямляя спины. И застыли, задаваясь вопросом, что принесет нам ближайший час.

Разумеется, мы знали, что пришли на урок литературы. Но дело в том, что все занятия в нашем пансионе направлены на одну-единственную цель: подготовить нас к семейной жизни. Цель эта оставляла свой отпечаток на занятиях по любым предметам, так что я ничуть не сомневалась, что и сейчас дело не ограничится определениями ямба и хорей. И конечно же, оказалась права.

– Сейчас я зачитаю вам вслух стихотворение, и затем мы его обсудим, – хорошо поставленным преподавательским голосом объявила мисс Маргарет. – Можете делать записи. По окончании декламации вы расскажете мне о достоинствах этих виршей.

Я обмакнула перо в чернильницу и постаралась максимально сконцентрироваться. Одновременно слушать, обдумывать и конспектировать – задача, требующая немалой сосредоточенности.

Наставница прокашлялась и приступила к чтению. Текст оказался таким:

Моя судьба – вот это истинная мука,
Меня терзают скорбь, неистовство и скука.
Стезя такая – мне наука,
Тому отчаянье порука.
И сердце бьется, учащая ритмы стука,
Стучит, как будто старой перечницы клюка.

Мы недоуменно переглянулись с Лизеттой, моей лучшей подругой в пансионе и по совместительству соседкой по парте. Другие девушки в классе выглядели столь же растерянно.

– Итак, леди Комстилл, не могли бы вы прокомментировать для нас это стихотворение?

Кайра Комстилл, двадцатилетняя рыжеволосая пансионерка, встала и, неловко переступив с ноги на ногу, неуверенно произнесла:

– Мне кажется, мисс, что это не очень хорошее стихотворение.

Мисс Маргарет неодобрительно качнула головой и жестом велела Кайре садиться. Та опустилась на стул, красная как рак.

– Вы невнимательно слушали задание. Я ведь просила обратить внимание на достоинства виршей, а не их недостатки.

– А какие тут могут быть достоинства? – Амелия де Кресси, одна из самых юных учениц в классе (как раз на прошлой неделе ей исполнилось восемнадцать), встала без спросу и теперь вызывающе смотрела преподавательнице прямо в глаза. – Здесь нет ничего хорошего. Ритм хромает, смысла вообще никакого. Слова «клюка» не существует. И еще: рифма «скука – наука» у кого-то из поэтов уже была.

Я резко выдохнула, сердито косясь на выскочку. Кто, ради всего святого, просил ее высказывать свое ценное мнение? Любому понятно, что стихотворение написал полнейший бездарь. Но правила жизни в пансионе, да и почти любом

учебном заведении, просты: делай что говорят и не высовывайся – и будет тебе счастье. Ладно, пусть не счастье, но, по крайней мере, спокойствие. Сказали «найди достоинства» – значит, найди. Буквы в словах использованы правильные? Уже достоинство. А спорить с наставницей – себе дороже. Хорошо, если получит проблемы только на свою голову, а ведь может и всему классу достаться!

– Юная леди, вы полагаете, что это высказывание доставило бы поэту удовольствие? – холодно поинтересовалась учительница.

– А почему я должна доставлять ему удовольствие? – возмутилась Амелия.

Тут уже выдохнула не только я, а несколько девушек и вовсе шикнули на соученицу. Не хватало еще, чтобы мисс Маргарет разозлилась и задала очередное эссе. Но обошлось.

– Садитесь, леди де Кресси, – с укоризной произнесла наставница. – И хорошенько подумайте!

Ученица послушалась, но неохотно, поджав губы, а мисс Маргарет продолжила:

– Девушки, запомните, основная задача пансиона – подготовить вас к достойной семейной жизни. Вы полагаете, каждое слово, которое произнесет ваш супруг, будет умно и оригинально? Возможно, в силу юного возраста вы склонны к романтическим преувеличениям, но я вынуждена разочаровать вас: так не будет. Многие мужья говорят глупости. Притом с чрезвычайно умным видом, полностью убежденные, что глаголят величайшую на свете мудрость. Ваша задача как хорошей жены – ни в коем случае не развеивать их иллюзий. При этом обычного «Да-да, дорогой, ты прав» быстро станет недостаточно. Нет, вы должны прислушиваться к его речам со всем вниманием и постоянно находить повод для похвалы. Это необходимо для поддержания мира в семье и, главное, для вашего собственного благополучия. Если супруг будет доволен, то и вы внакладе не останетесь. Поэтому берите перо и записывайте, и прилежно учитесь, пока есть такая возможность! Итак, – она расправила плечи после несколько эмоционального отступления и вновь приняла официально-требовательный вид, – кто расскажет нам о достоинствах услышанного произведения?

– Оно длинное? – осторожно предположила Данэлла, белокурая девушка, сидевшая за первой партой.

– Этого недостаточно, – покачала головой мисс Маргарет. – За длину вы будете хвалить вашего супруга в опочивальне. Впрочем, об этом мисс Клавдия вам объяснит на специальном занятии.

Девушки захихикали, деликатно прикрывая рты ладошками. Впрочем, не все: Амелия, например, пренебрежительно фыркнула.

– Есть другие идеи? Думайте, леди, думайте! Хорошая жена должна быть находчивой. Леди Уайт?

– Оно концептуальное, – высказалась худосочная пансионерка в очках.

– Вот это хорошо. Вот это правильно! – похвалила наставница. – Если не знаете, что сказать, используйте умные слова. А вы записывайте, дамы, записывайте! – строго посоветовала она, и мы ожесточенно заскрипели перьями. – «Концептуальный», «инновационный», «интригующий», «бескомпромиссный». Все это следует заучить и произносить с правильным ударением и ярко выраженным восхищением. Продолжаем. Леди Фэйтон?

Вопрос не застал меня врасплох: я знала, чего от нас ожидают, и потому уже успела подготовить ответ.

– Многообразие рифм к слову «мука».

Я решила высказаться лаконично и по существу.

– Хорошо, – одобрительно кивнула мисс Маргарет. – Другие предложения?

Лизетта тайком приподняла большой палец, показывая мне, что я молодец. Я опустила на стул, облегченно выдохнув. Хорошо, что никто до меня не использовал ту же самую идею. Боюсь, придумать для своеобразного стихотворения второе достоинство было бы выше моих сил.

Мимоходом успела заметить, как раздраженно закатила глаза Амелия. Я обиженно поджала губы. Конечно, ей-то зачем стараться? Избалованное создание, в котором родители наверняка души не чают, девица на выданье из богатой и знатной семьи. Ее и в пансион-то отправили недавно и наверняка ненадолго, просто потому, что это престижно для невесты и добавит ей очков в поисках такого же благополучного мужа. Так что она по-своему права: в ее положении можно не слишком прислушиваться к распоряжениям преподавательниц. Только, увы, не ко всем судьба так благосклонна. Меня, к примеру, сюда сослали исключительно ради того, чтобы отделаться. Отношения с мачехой не заладились с самого начала, а после того как два года назад скончался отец, она стала искать способ удалить меня из поместья. В итоге придумала пансион. Так что другого жилья у меня, по сути, и не было. А следовательно, приходилось соблюдать правила нового дома во всей их строгости.

Будущее тоже не представлялось радужным. Хорошего приданого за мной точно не дадут. Недаром мачеха несколько последних дней перед моим отъездом без конца жаловалась, как дорого нынче стоит обучение в пансионах. Якобы просто стремилась поделиться, на самом же деле, конечно, настраивала меня на нужный лад. Вкратце суть ее причитаний сводилась к следующему: я потратила на тебя уйму денег, дальше ты уж как-нибудь сама. Видимо, подразумевалось, что учеба «на невесту» поможет мне выйти замуж. Но я прекрасно понимала: без приданого это смешно. Я и в семнадцать не страдала романтическими иллюзиями, тем паче теперь, в двадцать два, когда меня вот-вот назовут старой девой. После того как это случится, у меня останется всего три пути. Либо в компаньонки к пожилой сварливой даме, либо в гувернантки к молодой избалованной девчонке вроде Амелии, либо в монастырь. Причем, хоть мне и не была свойственна особая набожность, из этих трех вариантов монастырь представлялся отнюдь не самым худшим.

По окончании занятий я не спешила уходить из класса. Возвращаться в свою комнату не хотелось. Увы, даже там я ощущала себя недостаточно комфортно, чтобы полноценно расслабиться. С предыдущей соседкой мы нашли общий язык, можно даже сказать, подружились, но несколько месяцев назад она вышла замуж и уехала. Вместо нее ко мне подселили Амелию, а с ней мы были слишком разными, чтобы понимать друг друга. Лучше бы я делила комнату с Лизеттой, но, увы, пансионерок о таких вещах никто не спрашивал...

Словом, все разошлись, а я осталась сидеть за столом и, дабы как-то себя занять, принялась переписывать начисто хаотичные конспекты, сделанные во время уроков. В чистовик попадали не все материалы, а только то, что могло пригодиться в перспективе. Я имею в виду экзамены. В том, что анализ стихотворения про «клю`ку» и тому подобная информация может оказаться полезной в реальной жизни, я сильно сомневалась.

– Леди Фэйтон! – В приоткрытую дверь класса просунулась голова Джекки, одной из наших горничных. – Мисс Уэлси вызывает вас к себе в кабинет.

– Благодарю, – вежливо кивнула я и, аккуратно сложив свои вещи, чинно направилась к выходу.

Вызов оказался для меня неожиданностью, но не расстроил. Мисс Уэлси, второй человек в нашем пансионе после директрисы, была моей любимой учительницей. Она преподавала математику и астрономию, причем поговаривали, что право вести второй из этих предметов она выбила себе с немалым трудом. Попечительский совет не мог взять в толк, какую пользу принесет будущим женам наука о планетах и звездах. Наставнице пришлось пойти на хитрость и заявить, будто речь, среди прочего, пойдет о способах предсказать судьбу будущего ребенка и, соответственно, избрать наиболее удачное время для зачатия. Дамы, принимавшие решения, плохо разбирались в таких нюансах, как разница между астрономией и астрологией, и дали добро. Правда, всего на один урок раз в две недели, но и этого оказалось достаточно, чтобы я влюбилась в новый предмет.

Занятия математикой также были интересны, а главное, не ограничивались одним лишь планированием семейного бюджета. Находилось место и для более абстрактных расчетов, и для древней философии, и для основ рационального мышления. Как любой преподаватель от Бога, мисс Уэлси давала своим подопечным намного больше знаний, чем можно прочесть в учебнике.

– Вы позволите? – спросила я, робко постучавшись и затем самую капельку приоткрыв дверь.

– Да, Мейбл, проходите.

Я не в первый раз оказалась в кабинете мисс Уэлси, и потому меня нисколько не удивил царивший здесь беспорядок. Да, возможно, это прозвучит странно, но слово «хаос» лучше всего описывало обычное состояние вотчины математички. Письменный стол был буквально завален бумагами, тетрадями, книгами, закладками, старыми перьями и вскрытыми конвертами. Подоконник пребывал в ненамного лучшем виде. Для того чтобы привести все это в порядок, потребовалась бы целая неделя, но, впрочем, хозяйка кабинета явно не собиралась затруднять себя подобными мелочами. В воздухе витал едва уловимый запах сладковатого табака. Присмотревшись, я обнаружила выглядывавший из-под бумаг мундштук. Курение в пансионе, мягко говоря, не поощрялось, но наставница, прослужившая здесь добрых двадцать лет, могла позволить себе некоторые вольности. Исключительно в нерабочее время и на своей территории, разумеется.

– Присаживайтесь.

Я опустилась в неглубокое кресло с высокой спинкой. Мягкое, удобное, но одновременно дисциплинирующее.

– У меня для вас новости, Мейбл. – Учительница метнула на меня острый взгляд поверх маленьких круглых очков. – И боюсь, что не самые приятные.

Я напряглась. А кто бы на моем месте не напрягся при подобном предисловии?

– Пришло письмо от вашей... матушки.

– Мачехи, – поправила я.

В некоторых вопросах я имела привычку проявлять настойчивость.

– Мачехи, – легко согласилась мисс Уэлси.

– Кто-нибудь умер?

Мне так редко писали из дома (можно сказать, вообще не писали: пара переправленных с посылочным документов не в счет), что такое предположение казалось совершенно логичным.

– О нет. Все живы и, насколько я понимаю, здоровы, – успокоила меня наставница, однако что-то в ее взгляде будто говорило: «Но лучше бы кто-нибудь умер».

– Очень рада это слышать.

Я напряженно ждала продолжения, и мисс Уэлси не стала тянуть: это вообще было не в ее характере.

– Виконтесса Фэйтон пишет, – учительница взяла в руки письмо и заглянула в текст, – что, движимая заботой о вашей судьбе и стремясь устроить ваше будущее, нашла для вас достойного жениха. Он выразил согласие вступить в брак, и свадьба планируется в следующем месяце. Со своим женихом вы познакомитесь на балу, который, как вы знаете, состоится в эту субботу в городской ратуше.

Она подняла глаза, вероятно, стремясь увидеть мою реакцию, но я поспешила уставиться в пол. Крепко сцепила руки и тихо поинтересовалась:

– Могу я узнать имя будущего мужа? Или виконтесса Фэйтон не сочла нужным сообщить мне такую незначительную деталь?

– Сообщила, – сочувственно откликнулась наставница, и я сцепила руки еще сильнее. – Его зовут мистер Томас Годфри. Его положение в обществе ниже вашего, но виконтесса пишет, что это вряд ли вас смутит, поскольку вы нечестолюбивы.

Я кивнула, просто в знак того, что услышала. Наверное, в данном случае мачеха права, но мне сейчас было не до того, чтобы копаться в собственной натуре. Слишком ошеломительная на меня свалилась новость.

– Здесь также указано, что мистер Годфри – человек состоятельный, – продолжала наставница. – Среди прочего, ему принадлежат дом в столице и родовое поместье, приносящее постоянный доход. Таким образом, пишет виконтесса Фэйтон, она будет спокойна за ваше благополучие.

Я снова склонила голову. Мачеха будет спокойна: в чем в чем, а в этом я не сомневалась ни секунды.

– Возраст жениха – шестьдесят четыре года, – припечатала мисс Уэлси с жестокостью хирурга, считающего, что лучше одним ударом отрубить подлежащий ампутации орган, чем долго и болезненно отпиливать его из мнимой жалости к пациенту. – Виконтесса убеждена, что и это обстоятельство не составит проблемы, поскольку вы девушка, благоразумная не по летам, и излишняя романтичность вам не свойственна.

Теперь я опустила голову так низко, словно к ней был привязан кирпич. Ссутулила плечи, обхватила себя руками и едва слышно пробормотала:

– Все понятно.

Шестьдесят четыре года. Будущий муж годился мне даже не в отцы – в деды. Сколь ни глупо, но до сих пор меня не покидала надежда, что навязанный жених случайным образом окажется моим принцем на белом коне. Ну, пусть не принцем, пусть не на белом, но – моим. Не знаю, откуда взялись такие иллюзии: то ли, вопреки словам мачехи, я была романтична до идиотизма, то ли человеку просто свойственно надеяться вплоть до самого последнего мига. В любом случае сообщение о возрасте, наподобие хлесткой пощечины, вернуло меня в реальность.

– Благодарю вас за заботу, мисс Уэлси. Больше ничего виконтесса Фэйтон не пишет? Надеюсь, урожай пшеницы в этом году был не хуже, чем в прошлом?

– Господи, Мейбл, да не будьте вы так неестественно спокойны!

Это восклицание со стороны учительницы, которая всегда оставалась хладнокровной, немного циничной, но никак не эмоциональной, явилось для меня полнейшей неожиданностью и заставило поднять глаза.

– Пейте.

Мисс Уэлси переставила поближе ко мне кружку, которая прежде кое-как умещалась между учебником астрономии и стопкой старых документов. Я

только теперь сообразила, что напиток был подготовлен заранее и, по всей видимости, именно для меня.

– Спасибо. Что это? Сок?

Стекло не было прозрачным, и я заглянула внутрь. В кружке плескалась жидкость теплого оттенка коричневого.

– Бренди. Сок не принесет вам сейчас ровным счетом никакой пользы.

Такое угощение противоречило всем правилам пансиона. Может быть, именно поэтому я его приняла. Принюхалась (по-моему, у меня имелись шансы опьянеть от одного только запаха) и, прикрыв глаза, сделала большой глоток. Горло мгновенно обожгло, дыхание перехватило, я закашлялась и принялась оглядываться в поисках хоть какой-то закуски или хотя бы простой воды. Хозяйка кабинета пододвинула ко мне блюдо, на котором красовались долька апельсина и несколько кусочков горького шоколада.

– Вы не возражаете, если я закурю? – Мисс Уэлси не переставала меня удивлять. – Я, знаете ли, и сама немного нервничаю.

– Курите, конечно. Мне нравится запах вашего табака, – призналась я. – Я плохо в этом разбираюсь, но, по-моему, мой отец курил нечто подобное.

– Вам и не надо в этом разбираться, – заверила наставница, извлекая с подоконника длинный эбонитовый мундштук. – Крайне бесполезное занятие, хотя в некоторых случаях ощутимо способствует мыслительному процессу.

Она закурила, и я с наслаждением вдохнула такой вредный, но такой родной сладковатый фруктовый аромат. Голова чуть-чуть кружилась: содержимое кружки уже давало о себе знать.

– Вы очень хорошая ученица, Мейбл. Не скрою, я была бы рада, если бы вы могли получить полноценное образование, к которому, без сомнения, тяготеете. Судьба распорядится иначе. Я понимаю ваше расстройство, но хочу сказать: действительность вовсе не так плоха, как кажется вам сейчас. Нет, я не стану кормить вас сказками о добрых намерениях, которые питает ваша мачеха, и о

нередко превозносимых достоинствах возрастных женихов. На этот счет у вас есть собственное мнение, и вряд ли я смогу многое к нему добавить. Тем не менее выслушайте меня, Мейбл. Брак, пусть даже не самый счастливый, – это не так уж и плохо. У вас будет свой дом, который вы сможете обустроить, как вам заблагорассудится. Будет круг общения, который вы, опять же, сами выберете. Вещи, от книг и до платьев, которые вам приглянутся. Вполне вероятно, вы даже телескоп себе сможете купить и установить его, к примеру, на балконе. Это намного больше, чем есть у вас сейчас, в пансионе. Да, ко всему этому прилагается муж. Смотрите на данное обстоятельство как на досадную нагрузку. В конце концов, ничто в нашем мире не дается бесплатно. Пройдет немного времени – и вы при желании сможете даже разъехаться.

– Вы имеете в виду развестись? – с сомнением спросила я.

Разводы были делом редким, сложным и в высшем свете не одобрявшимся. А уж для женщины, которая входит в семью так, как я, на птичьих правах, – практически нереализуемым.

– Ну, зачем такие сложности? – возразила мисс Уэлси. – Вы ведь слышали: у мистера Годфри по меньшей мере два дома. Выясните, в котором из них он проводит большую часть времени. Если супруг предпочитает город, пожалуйте на слабое здоровье, объявите, что вам необходим свежий воздух и удалитесь в поместье. Если, напротив, он предпочитает деревню... Пожалуйте на слабое здоровье и заявите, что вам требуются регулярные консультации городских врачей.

– Жить в одном доме, возможно, не так страшно, – пробормотала я, краснея. – Но муж – это ведь не просто сосед. С ним же еще нужно...

Я замолчала, окончательно смутившись. Впрочем, наставнице продолжения и не требовалось.

– Да, я понимаю, – кивнула она. – Юных девушек обычно пугают такие вещи. Даже те, кто выходит замуж по большой любви, побаиваются брачной ночи. Но, Мейбл, поймите, не так уж это все и страшно.

– Я понимаю, – солгала я, не поднимая глаз. Страшно было до безумия. – Но будь он хотя бы чуть-чуть моложе...

– Как раз молодой мог бы вас измучить, – не согласилась мисс Уэлси. – А ваш жених – это идеальный вариант. Учитывая его годы, не думаю, что его вообще станут интересовать подобные глупости. А если даже и станут, то крайне редко.

Меня передернуло от одной только мысли, и я прикрыла глаза, чувствуя себя крайне неблагодарным существом.

Наставница тяжело вздохнула.

– Если вас настолько беспокоит этот вопрос...

Она встала, подошла к двери, резко ее распахнула и, убедившись, что снаружи никого нет, возвратилась на свое место.

– Я могу дать вам одно зелье... Это магический отвар, который отобьет у супруга желание беспокоить молодую жену, – с некоторой неохотой произнесла она. – Обычно я подобного не предлагаю, не считаю это правильным, но в вашем случае... Однако это должно остаться между нами, – строго добавила она. – И вы пообещаете мне не злоупотреблять подобными средствами.

– Спасибо. – Я судорожно сглотнула. – Я непременно это обдумаю.

– Не за что. Думаю, встреча на балу многое расставит по местам. Постарайтесь не переживать прежде времени. Брак – это не всегда так хорошо для женщины, как принято считать. Но не стоит видеть в нем жизненную трагедию.

– Мисс Уэлси... – Я бы никогда не задала этот вопрос, если бы не выпитое несколькими минутами ранее «успокоительное». – Скажите, а вы... были замужем?

В том, что наставница не замужем сейчас, я не сомневалась. И дело было даже не в обращении «мисс», общепринятом, когда речь шла о преподавательницах. А в том, что леди жила в пансионе, проводила здесь практически круглые сутки. Трудно было представить себе мужа, которого бы устроило такое положение вещей.

К счастью, мисс Уэлси не оскорбилась, даже улыбнулась.

– Все верно, Мейбл. Я действительно никогда не была замужем. Не из-за нехватки предложений. То был мой личный выбор. Основанный в немалой степени на недостатках супружеской жизни. Правильное ли это было решение... На этот вопрос у меня нет ответа. Не уверена, что объективные ответы такого рода вообще существуют. Но в одном я убеждена: прежде чем сделать такой же выбор, молодая современная девушка непременно должна тщательно взвесить все за и против.

– Благодарю вас, мисс Уэлси, – проговорила я, поднимаясь из-за стола. – Вы мне очень помогли. Я никогда не забуду ваших уроков и ваших советов. И постараюсь всегда им следовать.

– О, вот с этим вам стоит быть очень осторожной, мисс Фэйтон. – Наставница тоже вышла из-за стола, чтобы проводить меня до двери. – Какие бы советы вы ни получали и кто бы ни был автором этих советов, старайтесь всегда делать собственные выводы и принимать собственные решения. Это самый главный урок, который я могу вам преподать.

Амелия

– Черт, черт, черт! – Под удивленным взглядом соседки по комнате я скомкала письмо от родителей и запустила им в стену, даже не стремясь скрыть свое раздражение. Еще бы мне не злиться! В этом послании родители извещали меня, что на балу я должна буду познакомиться со своим женихом, которого в глаза не видела.

Вернее, видела. На собственных крестинах, в возрасте сорока дней от роду. Моих, конечно же, самому жениху тогда было лет двенадцать. Единственный сын ближайшего соседа, он был просто обречен обручиться со мной, чтобы объединить земли двух родов. Граф Рейнард Аттисон.

Достигнув возраста тридцати лет, он до сих пор не был женат, что вызывало во мне массу подозрений на его счет.

Мейбл неодобрительно поджала губы, но ничего не сказала. Это разозлило меня еще больше. Терпеть не могла тихонь, а уж соседка по комнате и вовсе

напоминала мою гувернантку: такая же молчаливая, чопорная и правильная. Благодаря той даме любая моя проказа становилась известна родителям, и наказание следовало незамедлительно.

Сколько времени я провела за партой, либо переписывая строки из Писания, либо сочиняя очередное эссе на тему «Почему благовоспитанной девице не следует лезть на дерево, спасая котенка, прыгать в пруд за тонущим щенком и таскать за вихры деревенского парнишку, обижающего своего младшего брата».

Впрочем, в последние годы я старалась быть осмотрительной, и мисс Джонсон почти нечего было докладывать папеньке.

Последней моей шалостью было то, что я заперла калитку в сад, оставив нашего викария наедине с этой чопорной леди. Кто бы мог подумать, что на следующий день викарий с радостью сделает моей наставнице предложение, а она с такой же радостью его примет. После этого разразился скандал, мисс Джонсон уехала, а на семейном совете было решено не нанимать более гувернанток, а вместо этого отправить меня в пансион благородных девиц. Хотя вот чем кому-то могла помешать новая гувернантка, я не понимала: викарий-то теперь был женат!

Вздыхнув, я подобрала письмо и посмотрела на соседку по комнате. Мейбл ответила мне спокойным взглядом.

– Что-то случилось дома? – вежливо поинтересовалась она.

Я покачала головой, не желая посвящать Мейбл в свои горести. Наверняка она тут же побежит рассказывать надзирательницам, тьфу, воспитательницам. Лицемерка, как и все здесь. Одно ее высказывание про многообразие рифм чего стоит!

– Мне прислали платье для городского бала, – коротко проинформировала я, подходя к кровати, на которой лежала красиво упакованная коробка.

Бесцеремонно разорвав обертку, я сняла крышку и застонала от досады. Ну скажите на милость, почему моя матушка считает, что юным девушкам положено надевать на бал лишь белое?

Меня, унаследовавшую от бабки-южанки золотистую кожу и горячий нрав, этот снежно-белый цвет просто убивал. Точнее, делал настолько смуглой, что даже самой себе я казалась крестьянкой, вернувшейся с полевых работ.

Погруженная в переживания, я и не услышала, как соседка подошла и встала за спиной.

- Какое красивое! - воскликнула она, заставив меня подпрыгнуть. Я недовольно покосилась на Мейбл, но та даже не заметила, с тихой грустью рассматривая нежную ткань, расшитую мелким речным жемчугом так, что на свету платье переливалось.

- Да уж, - проворчала я,

- Повезло тебе, - грустно улыбнулась девушка.

- В чем же? - Я все-таки достала платье из коробки и приложила к себе, взглянула в зеркало, скривилась и небрежно отбросила на кровать.

Мейбл с укором взглянула на меня и нежно расправила смявшуюся ткань.

- Да во всем. У тебя приятная внешность, хорошее приданое, любящие родители, которые тебя балуют, - начала перечислять она, загибая пальцы.

Я задумчиво посмотрела на соседку, гадая, она действительно такая дура или прикидывается в надежде выведать что-то по поручению наставниц. Удивительно, но сейчас Мейбл казалась абсолютно искренней. Я вдруг вспомнила, что сама она почти бесприданница, которую мачеха сослала в пансион. Девочки рассказывали, будто за два года Мейбл ни разу не получила весточки от родных. Что же касается нарядов, то я сама видела, как соседка недавно перешивала старое бальное платье в надежде хоть как-то его обновить. Надевать одно и то же на несколько балов подряд считалось дурным тоном.

Наверное, в глазах Мейбл я действительно выглядела избалованной богатой девчонкой. Я бросила на девушку задумчивый взгляд. А ведь ей это платье было бы к лицу. Фигуры у нас похожие, а вот цвет кожи - совершенно разный.

- Знаешь, если оно тебе нравится – бери! – заявила я.

Соседка, все еще любующаяся платьем, вздрогнула и быстро отошла на свою половину комнаты, потом внимательно взглянула на меня.

- Ты серьезно?

- Конечно.

- Но... Амелия, это очень дорогое платье!

Еще бы! Когда это родители покупали мне дешевые вещи!

- И что? – как можно более беззаботно ответила я. – Я все равно его не надену ни за какие коврижки!

В глазах Мейбл читалась внутренняя борьба. Ей действительно хотелось надеть это платье, но воспитание не позволяло принять мое щедрое предложение.

- А... – сделала она еще одну попытку, – что на это скажут твои родители?

- Они и не узнают, – отмахнулась я. – Ну же, Мейбл, хотя бы примерь его!

Соседка шумно выдохнула, решаясь.

- Хорошо, но только примерю! – строго сказала она, успокаивая, вероятно, саму себя.

Я закивала, с готовностью подавая наряд.

Мейбл действительно была хороша в этом платье. У нее даже глаза засияли, когда она оглядывала свое отражение в зеркале.

- Вот видишь! – продолжала искушать я. – Я никогда не буду выглядеть в нем так же хорошо! Так что – забирай!

– Спасибо, – соседка вдруг порывисто обняла меня, но тут же отпрянула, несколько устыдившись своих чувств.

Я только хмыкнула: а может, не такая уж она и лицемерка. Во всяком случае, сейчас она мне даже нравилась.

– А, ерунда, – отмахнулась я, подходя к огромному сундуку и вытаскивая оттуда несколько платьев. – Знаешь, пожалуй, сама я надену вот это, из золотистого шелка...

Чуть позже, вечером, мы стояли в коридоре, готовые к инспекции мадам Клодиль. Как рассказала Мейбл, директриса пансиона перед балом лично проверяла воспитанниц, и не дай Создатель было не соответствовать ее высоким идеалам о приличиях.

Во всяком случае, тем, кто не соблюдал строгие правила, на балы в этом сезоне можно было не рассчитывать.

– Девушки, запомните, на балу вы должны вести себя скромно, – напутствовала нас наставница. – Ваша задача – показать себя в выгодном свете перед теми лордами, которые ищут себе именно жен!

– А кого еще могут искать себе лорды? – донеслось откуда-то сбоку.

Несколько девушек рассмеялись.

– Они могут искать себе собаку, – предположила я, втайне надеясь, что за дерзость меня оставят в пансионе. Признаться, в свете родительского письма меня бы это очень устроило.

– Леди Амелия! – возмущенно воскликнула мадам Клодиль.

– А что? – я наивно захлопала ресницами. – Она ведь тоже покладистая, верная и, главное, умеет слушать, не перебивая... Я не понимаю, зачем лорду обязательно искать себе жену.

Судя по лицу директрисы, я была близка к тому, чтобы осуществить свой план, но одна из наставниц что-то зашептала. Почтенная дама прислушалась и кивнула.

– Мы не будем сейчас спорить, девочки, – снисходительно произнесла она, – у нас нет времени, ведь кареты уже поданы. А вас, леди Амелия, я попрошу к следующей неделе подготовить эссе на тему различий между женой и собакой.

От досады я закатила глаза, за что мне сразу же сделали еще одно замечание. Я поймала на себе взгляд Мейбл, полный молчаливого неодобрения, и фыркнула.

Наставницы предпочли сделать вид, что не заметили. Конечно: третье замечание автоматически лишило бы меня посещения бала, но, видимо, это не входило в планы директрисы, и мне пришлось чинно вышагивать в веренице остальных пансионеров в колонне, чтобы занять место в карете.

В экипажи мы садились по четверо, стараясь не помять пышные платья. Моими соседками выпало быть Мейбл, ее подруге Лизетте и еще какой-то долговязой девице, имя которой я постоянно забывала. Проведя в пансионе не один год, эта троица дружно щебетала ни о чем, я же предпочитала помалкивать, понимая, что злюсь и на этот бал, и на незнакомого мне жениха, и на щебечущих ни о чем пансионеров. Спутницы то и дело подозрительно косились на меня, и было понятно, что они умышленно щебечут о ерунде, поскольку опасаются, что иначе я могу донести на них наставницам. Даже Мейбл, прекрасно-воздушная в моем новом платье, предпочла переговариваться с Лизеттой.

Это оскорбило меня еще больше, чем неприкрытое презрение, и я сердито отвернулась к окну.

Глава 2

Девушки и платья

Бал в городской ратуше был одним из главных событий сезона хотя бы потому, что туда приглашались воспитанницы пансиона Святой Матильды, из стен

которого выходили самые лучшие жены.

Девушек привозили к десяти часам, и ровно в полночь они уезжали обратно в пансион. Эта традиция не нарушалась никогда, впрочем, как и традиция, что с одним партнером девушка могла станцевать лишь один танец.

К половине десятого бальный зал начинал наполняться кавалерами: влюбленные юнцы, охотники за приданым, да и просто те, кому необходимо было найти покорную и добропорядочную жену.

Разумеется, такого сборища женихов не могли пропустить и те матери, что воспитывали своих дочерей дома. Оттого к десяти часам в бальном зале просто нечем было дышать, а в глазах пестрело от черно-белых вечерних костюмов мужчин и ярких платьев женщин. Граф Рейнард Аттисон не любил суеты и предпочел появиться в зале ровно через четверть часа после начала первого танца. К этому времени бальные книжки дебютанток были расписаны, а Рейнард был волен проводить время так, как ему заблагорассудится, а не оказывать любезность очередной подруге матери, танцуя с ее робкой и юной дочерью.

Вот и сейчас граф Аттисон ожидал вместе со своими друзьями в закрытом экипаже и внимательно наблюдал, как девицы выпархивали из карет.

– Смотри, а они весьма недурны собой! – заметил Освальд Горринготон, один из близких друзей Рейнарда.

По всей видимости, он намеревался утешить друга, поскольку единственный из всех присутствующих знал об истинных причинах, заставляющих графа Аттисона сидеть в карете и уныло разглядывать юных пансионеров, вместо того чтобы провести вечер в клубе.

Подбадриваемый одарил друга мрачным взглядом.

– Возможно.

– Да ладно, друзья, я не понимаю, чего мы ждем? Неужели у кого-то из вас есть желание вытанцовывать затейливые па и пить вино? Между прочим, у Ватто сегодня большая игра, и поговаривают, что пришла новая партия

контрабандного бренди! – воскликнул Джон.

Из всех троих он был самым заядлым игроком, и если бы не неслыханное везение, то приятель давно бы пошел по миру.

Рейнард задумчиво взглянул на Джона, словно решая, можно ли ему доверять.

– Видишь ли, – решился он наконец, – похоже, мне в ближайшее время придется жениться.

– Что? – выпучил глаза тот. – Быть не может!

– Увы.

– Это, должно быть, какая-то шутка!

– К сожалению, нет.

– И кто же она?

– Некая Амелия де Кресси. Юная девица, чье имение находится по соседству с моими землями.

Рейнард говорил с видимым безразличием, хотя внутри все клокотало от гнева.

– Амелия де Кресси? – Джон нахмурился, но имя было явно незнакомо. – Давно она выезжает?

– Она еще не выезжает. Ей недавно исполнилось восемнадцать, и она обучается в пансионе Святой Матильды.

– А, эта знаменитая школа невест! – фыркнул Джон. – Узнай, не преподавала ли ей некая мисс Клавдия. Если да, то тебе, мой друг, может оказаться весьма нескучно в супружеской спальне.

– Ты-то откуда знаешь?

Друзья в недоумении уставились на приятеля. Тот пожал плечами:

– Я встречался с ней... гм... в неформальной обстановке... никогда не думал, что у наставницы невест может быть такая богатая фантазия...

Рейнард невесело усмехнулся.

– Предлагаешь мне надеяться, что ученица превзойдет наставницу?

– На это я бы не рассчитывал, – после недолгих раздумий отозвался Джон. – Впрочем, почему бы тебе сразу не переключиться на мисс Клавдию?

– Потому что на кону честь Аттисонов... – Рейнард вздохнул. – Мой отец устроил помолвку много лет назад, закрепив магической клятвой, и отказаться от нее просто так невозможно!

– Но ведь твой старик умер три года назад! – возмутился Джон.

– Увы, помолвка была заключена гораздо раньше.

Рейнард вновь всмотрелся в стайку пансионеров, щебечущих на крыльце. В своих ярких платьях они напоминали экзотических птичек.

Несколько раз среди желтого и голубого мелькнуло белое. Рейнард невольно напрягся, но в темноте и издали деталей платья было не разглядеть.

Удивительно, но родители невесты не стали рассказывать про саму девушку, ограничившись лишь описанием ее бального платья. Просьба показать изображение невесты тоже не помогла: в парадной галерее имелся лишь семейный портрет де Кресси, на котором темноволосая девочка лет трех-четырёх сидела у ног матери.

Рейнард попытался порасспрашивать соседей, но те предпочитали уклоняться от разговора, бормоча что-то по поводу «достойной юной леди».

Узнав, что жена викария была гувернанткой Амелии, граф Аттисон не поленился съездить к ней, дабы расспросить о невесте, но почтенная дама вдруг начала краснеть и лепетать нечто невнятное. Пришлось отступить.

Пансионерки наконец вошли в здание, и Рейнард постучал пальцами по стенке кареты, подавая кучеру знак трогать.

Друзья неторопливо поднялись по ступеням, вошли в здание и, вручив лакею трости и цилиндры, поднялись в бальный зал, откуда доносилась музыка.

Их появление было встречено недоуменными взглядами и шепотком за спиной. Все трое считались достаточно завидными женихами, а Рейнард, будучи дальним родственником короля, и вовсе занимал высокое положение в столичном обществе, так что их появление на «ярмарке невест» не прошло незамеченным.

– Я чувствую себя словно выставленным на витрине, – прошептал Освальд, невольно оглядываясь по сторонам. – Может быть, действительно лучше поехать к Ватто?

– К сожалению, я должен встретиться со своей невестой, – извиняющимся тоном произнес Рейнард. – Впрочем, вы вольны уехать...

– И оставить друга одного погибать под этими плотоядными взглядами? – возмущенно воскликнул Джон. – За кого ты нас принимаешь?! Мы готовы прикрыть тебя собственными спинами и броситься на амбразуру!

– Я принимаю вас за тех, кто всеми силами пытается избежать брачных уз. И поступает мудро. – Рейнард еще раз огляделся и вздохнул: – Тут ее точно нет.

– Откуда ты знаешь?

– Платье. В отличие от внешности, его мне описали достаточно подробно.

– И каким оно должно быть?

– Белым. С жемчугом и рюшами. Это такие оборки... – Рейнард еще раз покрутил головой и заметил, что одна из девушек, довольно смуглая брюнетка в золотисто-желтом платье, с интересом его разглядывает. Девушка была юна и прелестна, и в любое другое время граф Аттисон попросил бы кого-нибудь представить их друг другу, но сейчас он вынужден был отвернуться, не желая обнадеживать девицу. Показалось, или та презрительно фыркнула?

– Если вас так смущают плотоядные взгляды, предлагаю подышать свежим воздухом.

Рейнард уже отдергивал одну из портьер, прикрывавших маленькие балконы. Предназначались эти укромные места для пар или маленьких компаний, максимум – четверых.

– Здесь милый сад, – заметил Джон, опасно перегибаясь через перила.

– Сад? Да, вполне пригодный, – рассеянно согласился граф.

Природные красоты в данный момент волновали его меньше всего. Но внезапно он уловил внизу движение, присмотрелся, и степень его заинтересованности мгновенно возросла.

– Вот она! – воскликнул Рейнард. – То самое платье!

В этом он даже не усомнился: слишком точно каждая деталь соответствовала описаниям.

– Где?

На сей раз Джон по-настоящему рисковал свалиться в розовые кусты, что плохо повлияло бы на состояние его здоровья, равно как и на настроение местного садовника. Хорошо, если у последнего не мстительный нрав.

Рейнарду пришлось приложить некоторые усилия, дабы водрузить приятеля на место.

– Мне нравится твой порыв, но с девушкой я все-таки познакомлюсь первым. И предпочту сделать это именно сейчас, пока нас не окружила толпа сочувствующих и, того хуже, желающих посядействовать. Простите, господа, я вынужден ненадолго вас оставить.

Господа проявили понимание и следовать за другом не стали.

Сбежав по ступенькам, Рейнард поставил бокал на серебряный поднос, услужливо протянутый невзрачного вида лакеем, и вышел в сад. На дне еще плескалось вино, но не идти же на знакомство с выпивкой, в самом деле? После духоты бала снаружи оказалось неожиданно свежо, и он на пару мгновений просто стоял, наслаждаясь ночной прохладой, после чего решительно зашагал по дорожке. Гравий хрустел под начищенными до блеска туфлями с большими квадратными пряжками – писк этого сезона. Рейнард невольно пожалел своих слуг, которым придется назавтра полировать царапины, но не идти же на бал в сапогах! На прежнем месте девушка не обнаружилась. И где она, спрашивается?

Рейнард ухмыльнулся, на миг позволив себе предательскую мысль: а может, оно и к лучшему? В конце концов, он самолично выразил желание не видеть ее как можно дольше. Если она столь предупредительно старается ему угодить – что ж, это неплохое начало семейной жизни! Он поджал губы, похлопал себя перчаткой по бедру и все-таки продолжил поиски. Раз уж решил, не дело отступать. Тем более познакомиться вот так, в саду, тет-а-тет, намного лучше, чем на балу, в присутствии неутомимых матрон и под взглядами светских зевак.

Гуляющих было мало: празднество не так давно началось, и гости еще не успели устать от громкой музыки и пустых разговоров. Одна парочка, спешившая скрыться от посторонних глаз, один седовласый джентльмен, кажется представленный графу на каком-то приеме, но имени он бы не вспомнил даже под пытками, – вот и все, кто ему встретился. Рейнард уже решил было, что его загадочная невеста попросту вернулась в дом, и собирался последовать ее примеру, когда его внимание привлекло белое пятно между деревьями. Все-таки имелся кое-какой толк в платье, столь детально ему описанном. Будь невеста одета во что-нибудь более темное – и он бы попросту прошел мимо.

Искать подходящую тропинку граф поленился, и двинулся напрямик, сперва приминая высокую траву (в этой части сада она не была подстрижена), затем раздвигая ветки черемухи. Грозди белоснежных цветов с крохотными желтыми сердцевинками источали одуряющий аромат, отчего-то напомнивший Рейнарду о

старом поместье, где он провел детство. За это он даже готов был простить растению свой фрак, перепачканный пылью.

Девушка сидела на узкой деревянной скамье, идеально выпрямив спину, но с несколько нервным выражением лица, и безжалостно комкала девственно чистые рюши своего платья. Граф давно успел заметить, что от современных молодых леди, да и от юношей тоже, требовали правильной осанки, не считая, однако же, нужным привить им то качество, которое таковой осанке способствует, а именно – чувство уверенности в себе. В итоге получался диссонанс: гордо поднятая голова у человека, боящегося встретиться с окружающими взглядом.

Рейнард все еще стряхивал с плеч прилепившиеся к фракку лепестки, когда девушка заметила его присутствие и вопросительно приподняла брови. Что ж, по меньшей мере в одном он оказался не прав: прямо посмотреть ему в глаза леди не побоялась.

– Скучаете? – галантно полюбопытствовал он, заодно рассматривая невесту.

Не красавица, но весьма приятной внешности, стройная и, что самое главное, не блондинка. Рейнард терпеть не мог блондинок.

На лице девушки отразилась напряженная работа мысли. Граф Аттисон усмехнулся, читая ее сомнения, как раскрытую книгу. Сказать «да» – нескромно, ибо может быть понято как приглашение присоединиться и развлечь. Сказать «нет» – невежливо, ибо означает по сути «ваше общество нежеланно, пойдите прочь». Пансионерки порой такие забавные. Светские львицы столь виртуозно владеют правилами этикета, что могут себе позволить нарушать их направо и налево, удерживаясь при этом в допускаемых обществом рамках. Юные же девицы, только-только начинающие посещать балы, вынуждены соблюдать все указания наставниц до самой последней буквы. Рейнард выжидающе взглянул на собеседницу.

Та нетерпеливо повела плечом, будто и сама поняла, что чересчур много времени уделяет простейшему, в сущности, вопросу, и ответила:

– Не слишком. Я размышляю.

– Вот как? Вы позволите?

Он взглядом указал на скамью. Девушка кивнула, но, соблюдая приличия, передвинулась к противоположному краю. Рейнард сел там, где ему полагалось: смущать юную леди и нарушать ее личное пространство не входило в его планы.

– И о чем же вы размышляете? – искренне любопытствовал он.

Девушка сперва опустила глаза, видимо неуверенная, как подобающим образом ответить на такой вопрос. Но затем посмотрела на Рейнарда в упор.

– О договорных браках.

Это было неожиданно. Этикет предписывал беседу на более нейтральные темы вроде погоды. Что ж, во всяком случае, заключил граф, девушка точно знала, кто он такой. И, более того, бросала ему вызов. Рейнард ощутил азарт.

– И что же вы о них думаете?

– Что это очень дурно.

Она так и не отвела взгляда. Молодец, пансионерка! Ему даже захотелось поаплодировать невесте, но это было бы чересчур.

– А вы как полагаете? – поинтересовалась она, и по интонации можно было подумать, что разговор поддерживается сугубо абстрактный.

Рейнард рассмеялся.

– Пожалуй, я разделяю вашу точку зрения.

Забавно, но такое совпадение взглядов сближало. И ему уже не хотелось злиться на собственную семью, семью соседей по поместью и тем более на навязанную невесту. Определенно, девушка начинала ему нравиться.

– Это ведь не на короткий срок, а на всю жизнь! – принялась развивать тему она, воодушевленная нежданно полученной поддержкой. – Молодые зачастую не имеют даже возможности познакомиться, прежде чем им сообщат о помолвке. А если они вовсе не подходят друг другу? А если им не о чем даже поговорить?

– К тому же в них может не пробудиться физическое влечение друг к другу. – Рейнард отлично понимал, сколь скользкую, даже недопустимую, тему сейчас поднимает, но не смог удержаться: уж больно интересно ему было посмотреть, какотреагирует это невинное создание. – Что тоже губительно для брака.

Щеки девушки залились румянцем, но больше ее смущение никак не проявилось.

– Вы правы, – согласилась она, вновь сменяя многострадальные оборки платья. – А уж если один из будущих супругов намного старше другого... Хорошо, когда речь может идти хотя бы об уважении, а если нет и этого? Конечно, я понимаю, в договорных браках есть определенная логика. Предполагается, что родители не только любят своих детей, но и превосходно их знают, а стало быть, представляют себе, рядом с каким человеком их чаду будет хорошо. Сами же дети недостаточно опытные. К тому же... много ли у юноши и девушки возможностей как следует познакомиться, не будучи официально помолвленными? Не исключено, что у родителей и вправду меньше шансов совершить ошибку. С другой стороны, не всегда же те, кто принимает решение, действуют исключительно в интересах будущих супругов. У их решений могут быть совершенно иные причины, например...

Девушка запнулась, подыскивая слова, и Рейнард решил ей помочь:

– Желание исправить собственное финансовое положение? Приобщиться к более знатному роду? Или... – главное он оставил напоследок, – дурацкие семейные традиции и магические клятвы, которые давно утратили всякую ценность?

Леди активно закивала.

– Вот вы меня понимаете! – воскликнула она, и в этих словах ощущался укор кому-то другому, менее понимающему.

– Вы даже не представляете себе, насколько хорошо, – заверил граф, вполне осознанно придвигаясь к ней поближе.

– Почему же? Я почти сразу догадалась, что вас тревожит та же проблема, что и меня, – сообщила девушка, то ли не замечая его маневра, то ли умышленно не подавая виду.

– Вы считаете, что это проблема?

– Конечно, вы ведь понимаете, сколько судеб сломано этими браками!

Она вновь взглянула на него, и Рейнард решился на следующий шаг.

– Надеюсь, мы с вами этого избежим, – прошептал он, кладя руку ей на затылок.

Сложная высокая прическа была очень удобна для этой цели: казалось, волосы специально уложили именно так, чтобы поверх них комфортно умещалась раскрытая ладонь с длинными пальцами. Он не настаивал, не давил, лишь самую малость задал направление. Девушка могла начисто проигнорировать его мягкие касания, но вместо этого неожиданно охотно подняла, а затем откинула голову, будто укладываясь на его крепкую руку, и сама приоткрыла рот, когда он медленно приблизился к коралловым губам.

Девушка вздрогнула, но не отступила. Губы соприкоснулись. Этот поцелуй мало напоминал те, к которым привык граф Аттисон, каковому доводилось немало общаться с женщинами. В основном, конечно, со светскими львицами, опытными и твердо знающими, чего хотят. Поцелуи с ними больше всего походили на давно наскучившее противостояние. «Ну-ка, посмотрим, кто из нас двоих лучше поднаторел в этой науке». Неопытных девушек Рейнард избегал. Впрочем, и они лишь робели и скромно опускали глаза, втайне надеясь увлечь завидного жениха. Конечно, будучи юнцом, он несколько раз целовался с объектами своих влюбленностей – смазливymi горничными или же кузинами друзей. По смутным воспоминаниям первые были слишком развязны, вторые – напряжены до предела.

Его невеста вела себя иначе. У нее, безусловно, не было опыта, но и страха она как будто не испытывала вовсе. Напротив, по собственной инициативе обвила рукой его шею и быстро делала успехи, перенимая его опыт, по ходу дела

разбираясь в тонкостях этого нехитрого, в сущности, искусства.

От захлестнувшего желания у Рейнарда начала кружиться голова; тем не менее он взял себя в руки и вовремя остановился, отлично понимая, что можно себе позволить во время такой вот встречи в саду, а что совершенно недопустимо. И все-таки надо было прийти на свидание с вином, причем не с одним бокалом, а с двумя. Он даже подумал, не попросить ли девушку немного подождать, но тут со стороны тропинки послышался негромкий шум голосов.

Дама и тут его удивила. Вместо того чтобы с воплем броситься прочь из страха быть застигнутой, она просто встала, оправила платье и спокойно, не оглядываясь, с достоинством направилась в сторону здания. Естественно, повстречалась на тропинке с нежданно нагрянувшими гостями, раскланялась и столь же чинно проследовала дальше. Словно просто прогуливалась леди по парку, а если на скамье под черемухами сидит какой-то джентльмен, то это никоим образом ее не касается.

Рейнард одобрительно покивал, выждал некоторое время и лишь затем тоже зашагал к двери, за которой поджидал вездесущий лакей. У них с невестой еще будет на этом балу достаточно возможностей поговорить.

В зал он возвратился в прекрасном расположении духа. Благосклонно принял бокал игристого вина, поданный очередным лакеем, пригубил и благодушно кивнул разыскавшим его друзьям.

– Как прошло свидание с невестой?

– Ну же, не томи! Мы все в нетерпении!

Джон буквально подпрыгивал на месте.

– Превосходно, – откликнулся Рейнард и не отказал себе в удовольствии сделать еще глоток. – Намного лучше, чем можно было ожидать.

– Так это же здорово! Ох, и погуляем скоро на свадьбе! – Освальд потер ладони в предвкушении.

– За это надо выпить! – суммировал Джон и, поскольку был человеком действия, тут же принялся искать глазами лакея. – Эй, любезный!

Граф наблюдал за суетой своих спутников с благосклонностью человека, пребывающего в хорошем расположении духа. Вскоре он увидел и свою невесту: она присоединилась к другим пансионеркам и их наставницам. Белое платье определенно было ей к лицу, даже несмотря на свою излишнюю помпезность (не иначе, постарались любящие родители).

Амелия

Своего жениха я узнала сразу – он был точной копией своего отца, упокой Господи его душу. Граф Аттисон вошел в зал в сопровождении двух джентльменов, вероятно, друзей. Судя по надменным выражениям лиц, все трое испытывали недовольство тем, что были вынуждены прийти на бал.

Я закатила глаза: неужели ему понадобилась столь весомая поддержка для встречи с невестой?

Хотя, заметив несколько пристальных взглядов почтенных матрон, следивших за вошедшими, точно коршуны за цыпленком, я невольно прониклась к мужчинам сочувствием.

Но тут же прогнала жалость прочь. Сами виноваты, нечего было являться на бал, который именуется не иначе как «ярмарка невест». Ну, с моим-то женихом все понятно, а вот остальные могли бы и поостеречься.

Погруженная в свои мысли, я упустила момент, когда троица скрылась из виду. Скосив глаза на наставницу, сопровождавшую нас, я убедилась, что она вовсе кокетничает с подвернувшимся кавалером. После чего я поспешила юркнуть между танцующими парами, чтобы скрыться из-под ока, ослабившего свою бдительность. Но далеко уйти не удалось – прозвучала команда о смене партнеров, и какой-то предприимчивый молодой человек подхватил меня за талию и увлек в круг танцующих.

Отказ мог спровоцировать скандал, потому пришлось закружиться с незнакомым мужчиной в танце. Впрочем, не стоит кривить душой: я всегда любила танцевать, отдавая предпочтение недавно вошедшим в моду вальсам, которые старшее поколение считало верхом неприличия. Вообще-то по правилам мне следовало заручиться разрешением наставниц пансиона, но для этого надо было их искать, чего мне делать не хотелось.

Танец закончился, но не успела я раскланяться с этим партнером, как ко мне сразу же подскочил другой. Я хотела отказать, но по первым аккордам поняла, что сейчас будет именно вальс, и согласилась. В конце концов, мой жених мог и подождать, ждал же он как-то все эти годы?

За вальсом последовала кадрили, которую я тоже ну никак не могла пропустить, хотя настроение все-таки испортилось: партнер то и дело наступал мне на ноги и все норовил столкнуться с другими парами. Потому уже на середине танца я пожаловалась на усталость. Молодой человек незамедлительно отвел меня к одному из диванчиков, расставленных у стен, и направился за лимонадом. Дождаться его я не стала.

Убедившись, что мужчина скрылся в толпе в поисках лакея, разносившего напитки, я быстро встала и поспешила совершенно в другую сторону, зорко оглядываясь по сторонам. Моего нареченного нигде не было видно. Похоже, граф Аттисон просто струсил.

Я не успела обдумать, радоваться или же печалиться этому факту, когда вдруг буквально столкнулась с ним в дверях. Вернее, почти столкнулась: как и положено благовоспитанному джентльмену, граф своевременно отступил, пропуская даму.

– А, вы не ушли! – воскликнула я с удивлением.

Довольная улыбка исчезла с лица жениха, и он изумленно взглянул на меня:

– Простите?

Я вздохнула:

– Я надеялась, что вы... впрочем, это уже неважно.

– Вы так хотели, чтобы я ушел с этого бала? – Граф не пожелал оставить мои слова без внимания, но выглядел озадаченным.

Я пожала плечами:

– Признаться, мне хотелось бы, чтобы вы вообще на него не приходили.

– Почему? – Он нахмурился.

– Потому что вы слишком стары для меня, – спокойно пояснила я.

Выражение, промелькнувшее на лице моего жениха, было непередаваемым. Впрочем, он достаточно быстро взял себя в руки.

– Простите, юная леди, мы с вами вообще знакомы?

– Конечно! – фыркнула я. – Уже очень много лет!

– Много лет? – Легкое недоумение на лице графа сменилось абсолютным непониманием. Таким он определенно нравился мне больше! – Простите, но... я что-то не припомню...

– Ну как же! – Я всплеснула руками. – Я – Амелия де Кресси! Ваша невеста, которую вы предпочли забыть на долгих семнадцать лет!

Это было уже верхом неприличия. Следовало найти кого-то, кто бы мог нас представить друг другу, но никого не было. И я, рассудив, что помолвка, состоявшаяся семнадцать лет назад, вполне сойдет за официальное знакомство, решила воспользоваться правами старого друга.

– Амелия де Кресси? – повторил он. – Но...

– Да, я слегка изменилась! – подтвердила я, искренне наслаждаясь эффектом, произведенным моими словами. – Но... сами виноваты – надо было лучше

следить за невестой!

Глаза графа сузились, он вдруг очень внимательно оглядел меня, недвусмысленно остановив взгляд на достаточно глубоком вырезе платья.

- И почему вы в желтом?

- Вас это смущает?

- Конечно! Граф и графиня де Кресси уверили меня, что на балу их дочь будет одета в белоснежное платье, и достаточно подробно мне его описали!

- Ах, вам описали платье... Но не описали саму невесту... И у вас не промелькнуло мысли, что я могла попросту передумать?

Жених смерил меня холодным взглядом.

- Скорее я поверю в то, что вы - авантюристка, узнавшая о моей помолвке и пытающаяся ей помешать, - отчеканил он сквозь зубы.

- Авантюристка?!

Я даже задохнулась от такой наглости. Голос сорвался на визг, и пришлось замолчать, опасаясь привлечь ненужное внимание. И без того мы стояли около дверей достаточно долго.

- Именно, - насмешливо кивнул граф. - Не поверите, но я слишком давно хожу в холостяках, и мне прекрасно известны расценки на подобные... розыгрыши.

- Розыгрыши? - глупо переспросила я.

- Конечно. Интересно, кто вас сюда привел и сколько заплатил, чтобы вы попытались соблазнить меня, прикинувшись Амелией де Кресси?

Мужчина криво улыбнулся, и я покраснела, моментально сообразив, за кого он меня принял.

– Что вы себе позволяете? – гневно выдохнула я. – Не умеете вести себя как джентльмен?

– Напротив, именно как джентльмен я пока и поступаю. Но у вас не промелькнуло мысли, что я могу сменить линию поведения? К примеру, выпороть вас как следует, поскольку вы явно того заслуживаете.

Степень моего возмущения достигла предела, и я неожиданно почувствовала себя спокойнее.

– О да, я слышала, что некоторые мужчины любят такие развлечения. Говорят, это свидетельствует о глубокой травме, полученной в детстве. Рекомендую вам сходить к психоаналитику. Знаете, это как раз входит в моду.

– Вижу, вы прекрасно разбираетесь в подобной моде? – язвительно поинтересовался граф Аттисон. – Наверное, сказывается опыт?

Я с трудом подавила вспышку ярости.

– Возможно, мне действительно стоит приобрести некоторый опыт, милорд, чтобы оправдать ваши ожидания! И не думайте, что я стану хвалить ваши глупые стихи, когда вы их напишете!

Не дожидаясь ответа, я гордо прошествовала в соседний зал, где были накрыты столы с закусками и лимонадом.

* * *

Дерзкая девчонка ушла, а Рейнард все стоял неподалеку от двери, не зная, что и думать. Слишком уж напористо вела себя эта авантюристка, словно была права. Он опомнился, лишь когда Джон подошел и хлопнул его по плечу.

– Рейнард, дружище! Представляешь, какая со мной приключилась оказия? – Волосы приятеля были слегка взъерошены, а дыхание сбилось от быстрых движений. – Я танцевал с девушкой, которая назвалась Амелией де Кресси.

– Когда это было? – поинтересовался Рейнард, уже подозревая неладное.

– Когда играли вальс.

– Этого не может быть. Когда играли вальс, я... разговаривал со своей невестой в саду! И это определенно была девушка в белом платье, которое мне описали!

– Но девушка, с которой я танцевал, представилась как леди Амелия де Кресси, и она была в желтом платье. И если в это время ты с Амелией де Кресси был в саду, выходит, у тебя целых две невесты?

– Или кто-то решил подшутить! – Рейнард невольно поискал взглядом юную авантюристку, но девушка как в воду канула, что и неудивительно: наверняка она испугалась разоблачения.

– Да кому это нужно? – фыркнул Джон. – Теперь вот, вместо того чтобы ехать к Ватто, мы будем вынуждены задержаться, чтобы понять, какая из леди твоя настоящая невеста! Хотя... – Друг хохотнул. – Ты вполне можешь обзавестись гаремом!

Вместо ответа граф Аттисон крепко схватил за плечо стоявшего поблизости лакея. От неожиданности слуга уронил пустой поднос, который с грохотом упал на пол, перекрывая музыку.

Гости начали недовольно оглядываться. Рейнард поморщился, понимая, что теперь слухов не избежать. Впрочем, его это не остановило.

– Видишь ту пансионерку? – спросил слугу граф, указывая на девушку в белом платье, которая как раз появилась в зале.

Лакей испуганно закивал, одновременно кривясь от боли: хватку Рейнарда до сих пор не ослабил, хотя отчета себе в этом не отдавал.

– Немедленно пойди и узнай ее имя. Только так, чтобы никто не догадался, для кого ты это делаешь.

– А для кого я это делаю? – оживился слуга.

– Для меня. Ты все понял?

– Да, милорд.

Если у лакея и были сомнения, то после двух золотых они полностью испарились.

– Хорошо. Иди.

Рейнард наконец-то отпустил плечо бедолаги, и тот поспешил на поиски распорядителя. Обнаружив последнего у дверей, лакей что-то зашептал ему на ухо, указывая на столпившихся у колонны пансионеров. Золотая монета перекочевала в карман распорядителя, тот словно невзначай подошел к девушкам и вскоре вернулся, после чего слуга поспешил к Рейнарду.

– Юную леди в белом зовут Мейбл Фэйтон, – доложил он. Говорил услужливо, но соблюдал дистанцию в пару шагов, предпочитая держаться на расстоянии от сердитого аристократа. – Незамужняя девица, обучается в пансионе Святой Матильды. Помолвлена с мистером Томасом Годфри.

– Ступай. – Рейнард опустил в ладонь лакея еще одну золотую монету. – И забери эту гадость! – поморщился он, ставя на поднос недопитый бокал. – Лучше принеси чего-нибудь покрепче.

Лишь после того, как слуга удалился, граф позволил себе поправить узел ставшего слишком тугим галстука. Выходит, что темноволосая девица, с которой он столкнулся в дверях...

Граф Аттисон тяжело вздохнул. Как он мог так опростоволоситься? Неужели в саду... Но платье, черт побери, платье, детально описанное в письме! Интересно, подумал ли кто-нибудь, что невеста просто не захочет его надевать? Конечно, это было странно для юной девушки. Хотя, признаться, желтое шло леди де Кресси гораздо больше. В нем она напоминала экзотический цветок. И, судя по всему, этот цветок жаждал свадьбы ровно так же сильно, как и сам граф Аттисон.

Любопытно, а сама Амелия знает о магической клятве? И что будет, если эта Мейбл Фэйтон расскажет подруге о поцелуе? Девушки ведь любят поболтать о таких вещах.

Вспомнив полыхавшие гневом темные глаза неузнанной невесты, Рейнард криво усмехнулся и повернулся к Джону, который стоял рядом и все прекрасно слышал.

- Постой, как такое может быть? – недоуменно переспросил тот.

- Джон, у тебя есть сестры. Неужели они никогда не менялись платьями?

- Одной семнадцать, второй – девять, – проинформировал приятель. – И когда Стасси пытается взять вещи Джейн, в доме начинается скандал.

- Даже так? Сочувствую.

- Мы все привыкли. Но давай вернемся к твоим невестам. Выходит, что в саду ты говорил с Мейбл Фэйтон?

- Да. – Рейнард не сводил взгляда с девушки в белом. – Более того, похоже, самой Амелии де Кресси я заявил, что она авантюристка.

- погоди, в карете ты говорил, что невеста – твоя соседка. Ты что, не знал, как она выглядит?

- Соседка по поместью, – поправил Рейнард, уже не зная: злиться или смеяться. Слишком уж комичной выглядела вся эта ситуация со стороны. – Мы виделись один-единственный раз в жизни, на ее крестинах. Она была розовощеким лысым младенцем и с той поры достаточно сильно изменилась!

- И тебе никогда не присылали ее портретов?

- Скажем так, я и сам не жаждал их получить. Более того, до смерти отца я и вовсе предпочел забыть, что помолвлен, пока тот на смертном одре не потребовал от меня исполнить свой долг и не замарать честь семьи. И вынудил дать магическую клятву.

– Ну если все было так, как ты рассказываешь, мой друг, тогда ты сильно влип! – постановил Джон. – К тому же из-за этой путаницы ты выглядишь как полный дурак, который даже не знает, на ком собрался жениться!

Рейнард одарил друга самым мрачным из своих взглядов. То, что он выставил себя идиотом перед товарищами, было как раз мелочью. Много хуже то, что он выставил себя идиотом перед самим собой. С этим смириться было значительно сложнее. С невестой тоже вышло, мягко говоря, неловко.

Хотя она сама хороша, изрядно его спровоцировала, и все же нельзя забывать про годы, которые она столь дерзко упомянула. В его возрасте, с его опытом следовало бы вести себя более уравновешенно.

К тому же леди Фэйтон в провокационном поведении никак не обвинишь. Ну разве что в том, что девушка надела платье точь-в-точь как у подруги. И выходило, что с ней он поступил недостойно. Граф Рейнард Аттисон не был святошей, и его не слишком пугали недостойные поступки, в особенности если они были в интересах государства. Но неприемлемое обхождение с юной беззащитной девушкой, которая к тому же столь безотчетно ему доверилась, оставляло в душе премерзкий осадок. Придется найти эту пансионерку в белом платье и, по крайней мере, извиниться.

И все-таки как это произошло? Ведь дело было не только в платье: они даже заговорили об одном и том же! И именно она первая подняла тему договорных браков...

Лорд Аттисон только сейчас заметил пожилого седовласого мужчину, сидящего в удобном кресле в компании пансионерок и их наставниц и в данный момент о чем-то беседовавшего с леди Фэйтон. Лицо последней казалось таким же белым, как ее наряд.

Мейбл

Сердце безумно колотилось, когда я поднималась по широким ступеням, и это было отнюдь не результатом быстрой ходьбы. При воспоминании о поцелуе с незнакомцем на губах сама собой расцветала глупая улыбка, а в теле возникало чувство, донельзя напоминающее те самые идиотские бабочки в животе, о

которых так любят писать в дамских романах.

Я отлично понимала, что вела себя недопустимо. Да что там, в моем представлении я просто-напросто пустилась во все тяжкие. Но, учитывая то, что меня ожидало, когда еще было познавать острые ощущения, как не теперь?

Безрадостное будущее, увы, предстало передо мной, стоило лишь войти в празднично украшенный зал, где на паркете кружились танцующие пары.

– Мейбл! – Лизетта подбежала ко мне и потянула за рукав. – Где ты была, тебя уже обыскали!

– Вышла подышать свежим воздухом, – сказал я полуправду, прекрасно отдавая себе отчет, что даже лучшей подруге не стоит сообщать о моем безрассудном поведении в саду.

Впрочем, поговорить нам не дали. Мисс Маргарет незамедлительно подхватила меня под руку, что-то бурча о моей безответственности и о том, что нельзя было отдаляться от остальных в столь важный момент.

Еще несколько наставниц наградили меня укоризненными взглядами. Девушки в ажиотаже перешептывались, то и дело постреливая глазками в мою сторону, кто сочувственно, а кто с насмешкой. Амелия смотрела хмуро. В ее глазах читалось сочувствие. Мисс Маргарет подвела меня к одной из ниш, пансионерки расступились, и я наконец получила возможность встретиться со своим женихом лицом к лицу.

Я не ошиблась: мистер Годфри действительно годился мне в деды. Совершенно седой, обрюзгший, с многочисленными морщинами, в особенности на лбу и вокруг рта. Уголки губ чуть-чуть изогнуты книзу, будто их обладатель вечно чем-то недоволен, а глаза смотрят остро, оценивающе, как и положено богатому торговцу. Чувствуя себя очередным товаром, который вознамерились купить, я присела в реверансе.

– Мистер Годфри, позвольте представить вам леди Мейбл Фэйтон, – торжественно произнесла мадам Клодиль, наша директриса.

– Очень рад, очень рад, – покивал жених, разглядывавший меня довольно-таки бесцеремонно.

– Я тоже рада знакомству, – не краснея, солгала я и повторила реверанс.

– Надеюсь, вы простите меня, что я не встаю. Проблемы с позвоночником, знаете ли. Очень болит спина.

«Это же прекрасно!» – чуть было не воскликнула я. Появился реальный шанс, что с меня не станут требовать супружеский долг.

– Какая жалость! – посетовала я вслух. – Должно быть, это очень мучительно?

– Только временами, – «успокоил» меня жених. – Следствие нескольких часов, проведенных в карете. Обычно я в значительно лучшей форме. Видите, дорогая, как многим я пожертвовал, чтобы иметь счастье вас лицезреть!

Я опустила глаза. Кажется, мой оптимизм был преждевременным.

– Она ничего, хорошенькая.

Мистер Годфри степенно выдал такую оценку моей внешности, обращаясь главным образом к наставницам. Те закивали, улыбаясь, и только мисс Уэлси незаметно для большинства возвела очи к потолку.

– Благодарю вас, сэр, – вежливо сказала я.

– Признаться, я не уверен, хорошо это или плохо. – Жених по-прежнему обращался в первую очередь к преподавательницам, хотя, по-моему, ему вообще нравилось разглагольствовать, привлекая всеобщее внимание. – Приятная внешность для женщины – это еще далеко не все. С годами красота увядает. А главное, она отвлекает внимание от более важных вещей.

– И каковы же эти более важные вещи? – любезно осведомилась я, мельком перехватив сочувственный взгляд Лизетты.

– Прежде всего забота о детях, конечно же, – с важным видом ответил мистер Годфри.

Я впервые пожалела о нехватке стульев. То есть он еще и ребенка заводить планирует? Сам по себе этот факт меня бы не смущал, но... Он же планирует заводить ребенка со мной?

От одной только мысли, что этот старик будет лежать со мной в постели, к горлу подступила тошнота.

– Затем ведение дома, пригляд за слугами, вышивание и шитье, – жених начал загибать толстые, одутловатые пальцы. Представив, как они касаются меня, я невольно вздрогнула и отвела взгляд.

– О, мистер Годфри, тут вы можете не сомневаться: леди Фэйтон владеет всеми нужными навыками в совершенстве! – воодушевленно заверила мисс Маргарет. – Она одна из лучших учениц нашего пансиона. Лучших во всем.

Заметив заинтересованность в блеклых глазах, я впила ногтями в ладонь, мысленно проклиная болтливую наставницу. Удивительно, но Амелия скрежетнула зубами, словно читая мои мысли.

– Это похвально, похвально, – кивнул жених, делая комплимент то ли мне, то ли пансиону, готовящему таких правильных жен.

Я прикрыла глаза, стараясь совладать со своими чувствами. Где там этот незнакомец из сада? Кажется, я готова отдаться ему в каком-нибудь темном углу. Во-первых, обзаведусь хоть какими-то яркими воспоминаниями, а во-вторых, стану совершенно неприемлемой женой в представлении мистера Годфри. Он, конечно, об этом не узнает, но сей факт все равно будет согревать мне душу долгими зимними вечерами...

Мысли о незнакомце заставили меня абстрагироваться от неприглядной действительности. Я даже повертела головой, гадая, здесь ли он или же предпочел уехать. Думаю, этот мужчина был редким гостем на балах, предпочитая, скорее, клубы и игорные дома. Лизетта ткнула меня локтем в бок, и я вновь прислушалась к словам жениха.

– Мне также важны в будущей жене послушание и покорность... – перечислял он. Наставницы с умным видом благодушно кивали в ответ.

– Мистер Годфри, скажите, пожалуйста, а у вас есть собаки? – вдруг вмешалась Амелия, игнорируя суровые взгляды.

Мадам Клодиль неодобрительно поджала губы.

– Конечно, у меня имеется псарня, – последовал ответ. – Однако, по моему убеждению, молодым девушкам не пристало вступать в разговор, прежде чем к ним обратятся. А интерес к собакам и лошадям должен быть присущ мужчинам.

– Неужели? – ангельским голосом пропела моя соседка по комнате. – И вы, наверное, для своей псарни ищете самых лучших собак, верно?

– Леди де Кресси! – прошипела директриса, но нарушительница спокойствия лишь повела плечом, не обращая на суровую наставницу особого внимания.

– Разумеется, моя дорогая! Ведь и собакам, и лошадям, и женщинам нужна твердая рука. Иногда пряник, а иногда и кнут, – снисходительно пояснил мистер Годфри.

Рядом с моей соседкой по комнате он напоминал добродушного дедушку, поучающего внучку.

– А, мне все понятно, вы из тех модных нынче мужчин... – кивнула Амелия, предоставив свидетелям разговора самостоятельно додумывать, что именно ей было понятно.

У меня не оставалось моральных сил на то, чтобы держать лицо, и я устало переступила с ноги на ногу. Но как-то поддерживать беседу было необходимо, и я светским тоном поинтересовалась:

– А вы, милорд, любите животных?

– Безусловно. Если они породисты и хорошо выдрессированы.

Я едва не застонала в голос. Проведенная Амелией аналогия была оправданна: этот человек и от жен явно ожидал тех же самых качеств. Кажется, мне все-таки придется просить у мисс Уэлси предложенный порошок...

– Вы позволите пригласить вашу даму?

Со всех сторон послышался шепот: «Рейнард Аттисон! Это граф Аттисон! Родственник самого короля!» Странно, но Амелия нахмурилась и поспешила отойти, делая вид, что ее заинтересовала лепнина на колонне.

Я же вцепилась в знакомый голос, как в спасительный канат, и резко вскинула голову. Незнакомец из сада стоял подле нас, вытянув ладонь, будто уже готовый взять меня за руку, чтобы сопроводить в центр зала, к другим танцующим. По его чуть насмешливому и не вполне дружелюбному взгляду, направленному на моего жениха, я поняла: граф сумел правильно оценить ситуацию. Впрочем, что тут удивительного? Здесь, на балу, мы все были как на ладони.

Лорд Годфри явно не ожидал такого поворота и не пришел от него в восторг. Однако и отказать настойчивой просьбе столь знатного вельможи, родственника самого короля, не решился.

– Да, конечно. Я уверен, что с вами моя невеста будет в надежных руках, – в своем устаревшем стиле ответил он.

– Если леди не возражает.

Рейнард перевел взгляд на меня, и на этот раз в его глазах действительно читался вопрос. Если мужчину он просто ставил перед фактом, то у дамы все же просил разрешения.

– Не возражаю, – поспешила принять приглашение я.

Все что угодно, лишь бы прервать пытку общения с будущим супругом, пусть даже всего на несколько минут. К тому же, что скрывать, мне нравился молодой граф. Нравился значительно сильнее, чем это допустимо для без пяти минут замужней дамы. Я ощутила приятное волнение от прикосновения к его руке, и вскоре мы пополнили ряды танцующих.

Какое-то время мы двигались в молчании, прислушиваясь исключительно к игре нашего городского оркестра. Весьма недурного, кстати сказать.

– Я должен принести вам свои извинения, – прервал наконец молчание Рейнард. – Мое поведение в саду было недопустимо.

Кажется, это признание далось ему нелегко, но говорил он четко и взгляда не отводил.

– Умоляю, не добавляйте, что вы сожалеете, – попросила я. – Иначе мне только и останется, что выброситься из окна.

Не знаю, откуда родилась эта фраза про окно; подозреваю, что все дело во Флоре и ее недавней попытке сдать курсовую работу.

– О нет, я совсем не то имел в виду, – улыбнулся граф. Хорошо так улыбнулся: вроде бы иронично, но одновременно тепло. – Я ни в коем случае не сожалею в том смысле, на который намекаете вы, и был бы счастлив продолжить знакомство. Просто учитывая то положение, в котором мы с вами оказались, это не представляется возможным, поэтому мой поступок, конечно же, никуда не годится.

– Бросьте, граф. – Я ответила ему аналогичной улыбкой. – Мы с вами поступили в равной степени дурно. Но ведь об этом никому не известно, верно? Поэтому я предлагаю оставить извинения и сохранить об этом вечере приятные воспоминания. Вряд ли у меня будет возможность обзавестись другими.

– Вы – удивительная.

Я заливисто рассмеялась.

– И этот комплимент я тоже запомню.

И почему в обществе этого мужчины нужные слова так легко слетают с языка? Я почувствовала себя сейчас воздушной и изящной, почти невесомой.

– В таком случае позвольте мне стать совсем уж несносным и дать вам один совет?

– Не только позволю, но и постараюсь ему последовать!

Я неспешно, как того требовала музыка, обошла вокруг партнера, затем присела напротив него в реверансе. Граф, как и полагалось на этом этапе, ответил мне поклоном, затем элегантно поднял руку, и я, распрямившись, вложила в нее кончики своих пальцев.

– Вы не должны так сильно переживать из-за свадьбы, – облек свою рекомендацию в слова Рейнарда. – Возможно, мне не следует говорить этого напрямую. Но вы ведь не обидитесь, услышав, что ваш жених едва ли проживет слишком долго. С учетом его возраста, состояния здоровья и не самого правильного образа жизни. Поверьте, леди Фэйтон, я неплохой знаток светской жизни. Самые счастливые женщины при дворе – это вдовы. Буквально лет через пять вы будете очаровательной и богатой вдовой, на пике своей красоты и привлекательности, да к тому еще и с багажом жизненного опыта. Вы станете блистать на балах и светских раутах, предадитесь тому занятию, которое придется вам по вкусу и не вложите ни фартинга в проекты, которые, напротив, не пробудят в вас ни малейшего интереса. Насыщенная светская жизнь, отдых на водах, мужское внимание, танцы, свобода. Вам будут завидовать решительно все. Я и сам с большой радостью возобновил бы наше знакомство. Но, увы, к тому времени я уже буду занудным тридцатипятилетним стариком, с которым вам будет откровенно скучно.

Я снова рассмеялась. Наступила очередь Рейнарда шагать вокруг меня.

– Я уверена, что вы никогда не станете скучным, пусть даже вам исполнятся все восемьдесят. А так ли радужны мои перспективы, как вы изволили описать... Что ж, поживем – увидим.

Граф прильнул ко мне ближе, благо сейчас танец это позволил, и тихо добавил:

– В случае, если супруг надумает слишком долго задержаться на этом свете и станет при этом портить вам кровь, вы всегда можете ко мне обратиться. Дуэлей пока никто не отменял.

Я спешно закачала головой, наверное, слишком испуганно для шутливого, в сущности, предложения.

– Хорошо. Но поскольку я все-таки чувствую себя виноватым, то во искупление вины сегодня обеспечу вам возможность полноценно наслаждаться праздником, – пообещал Рейнард, когда танец близился к завершению.

– Буду весьма вам благодарна, – улыбнулась я, не имея ни малейшего представления о том, каким образом он собирается сдержать обещание.

Я не могла знать, что, едва закончится танец, и кавалер, как того требуют приличия, проводит даму к стульям, граф Аттисон призовет своих друзей и строго-настрого им накажет ангажировать леди Фэйтон, всячески ее развлекать и, самое главное, не позволить ей умереть со скуки «в обществе вон того дедули».

В итоге я прекрасно провела время, но прежде мое настроение подпортил краткий обмен репликами с Лизеттой.

– Мейбл, ты такая смелая! – зашептала мне на ухо она, едва я возвратилась после первого танца.

– Чтобы сбежать от мистера Годфри, особой смелости не надо, – возразила я. – К тому же он самолично дал разрешение, так что и пенять может только на себя.

– Я даже не об этом.

– А о чем же? – спросила я в недоумении.

– Как? Разве ты не знаешь? Граф Рейнард Аттисон помолвлен с Амелией де Кресси, ну, этой твоей странной соседкой по комнате!

Музыка как будто зазвучала тише, и люстры стали давать меньше света, чем всего минуту назад. Но я заставила себя расправить плечи, высоко подняла голову и следующего партнера по танцу встретила во всеоружии.

Глава 3

Побег

Амелия

Никогда не думала, что бал может быть таким... таким гадким. Пожалуй, «гадким» было даже очень мягко сказано. И дело вовсе не в Рейнарде Аттисоне. Вернее, не только в нем. Ну хорошо, на самом деле именно в нем. Ибо, скажите на милость, как можно ехать знакомиться с невестой, имея лишь описание платья? Прекрасный же мне достанется муж. Интересно, а в спальне он будет искать меня по описанию сорочки?

Теперь мне стали понятны легенды, где во время брачной ночи госпожу заменяет служанка, а жених не замечает подмены. Похоже, граф Аттисон не заметит, даже если я в сорочку обряжу бегемота.

А ведь был еще этот гадкий Годфри. Вот уж кому действительно не повезло с браком, так это Мейбл. Жирный самодовольный старик, что может быть хуже? Он смотрел на мою соседку так, что мне очень хотелось повторить несколько слов, которые я иногда слышала от деревенских ребят. Но воспитание все-таки не позволяло использовать эти знания.

Потому я просто мученически терпела.

Конечно, я танцевала, но делала это без удовольствия. Краем глаза заметила, что Рейнард почему-то танцует с Мейбл. Бедолага явно зациклился на платье.

Я вздохнула и поспешила принять очередное приглашение на танец. По окончании партнер проводил меня к соученицам и отправился на поиски лимонада. Видя, что граф Аттисон вместе с Мейбл направляются к нашей компании, я поспешила затеряться в толпе, не желая портить себе настроение еще сильнее.

Как только часы пробили полночь, нас заставили спуститься в холл и вновь рассадили по каретам.

– Еще бы туфли проверили, вдруг кто-то оставил на лестнице, принцу на радость, – пробормотала я, когда одна из наставниц заглянула в экипаж, желая убедиться, что все мы на своих местах.

– Уж тебе-то грех жаловаться! – фыркнула Лизетта.

Еще одна выскочка. Я уже открыла рот, чтобы отчитать зазнайку, когда Мейбл предупредительно подняла руку:

– Пожалуйста, у меня очень болит голова!

Она действительно выглядела крайне расстроенной, и я, невольно сочувствуя соседке, не стала спорить с Лизеттой. Впрочем, та тоже с жалостью посмотрела на подругу.

– Он очень старый... – тихо сказала Лизетта.

– И что? Думаешь, окочурится сразу после свадьбы? – фыркнула я. – Судя по его виду, старикашка проживет еще достаточно долго, чтобы сделать жизнь своей жены невыносимой!

Лизетта ощутимо двинула меня локтем в бок.

– Думай, что говоришь! – по-змеиному прошипела она, указывая глазами на Мейбл.

– А что, все ваши уверения, что старик долго не протянет, лучше? Между прочим, две жены он уже похоронил, Мейбл – третья!

– Ты это к чему? – соседка по комнате вынырнула из своих мыслей.

– К тому, что этот старикан может пережить нас всех... и потом, это его желание завести наследника...

Мейбл вздрогнула и отвернулась, делая вид, что всматривается в мелькавшие за стеклом огни уличных фонарей. Лизетта зло сверкнула глазами, я прикусила губу, размышляя, чем помочь соседке по комнате. Не то чтобы мне было так уж

сильно ее жалко, но все же мы оказались некоторым образом товарищами по несчастью.

С этими мыслями я и вышла из кареты, выслушала очередную отповедь по поводу своих манер от мадам Клодиль и наконец направилась в свою комнату.

Мейбл уже лежала в постели, отвернувшись к стене, и делала вид, что спит. Я не стала окликать ее, быстро разделась и юркнула в собственную кровать. Потушила свет и еще долго всматривалась в темноту ночи, думая, что же нам всем делать.

Утренние занятия начались на час позже обычного. Позевывая, воспитанницы собирались в классе. Стараясь избегать сочувствующих взглядов, Мейбл заняла самое дальнее место, у окна. Я же предпочла присесть ближе к преподавательскому столу.

Словно в насмешку, сегодня занятия начинались как раз с урока мисс Клавдии – высокой сухопарой матроны, которая учила нас, что жена должна угождать всем желаниям мужа. При слове «всем» наставница мечтательно закатывала глаза, отчего мы дружно хихикали. Сегодняшнее занятие не стало исключением.

– Доброе утро, леди, – поздоровалась учительница, входя в класс.

– Доброе утро, – нестройным хором отозвались мы.

Мисс Клавдия довольно улыбнулась.

– Как я понимаю, вчера вы весело провели время, а некоторые из вас познакомились с будущими спутниками жизни?

Выпученные глаза остановились на мне, затем учительница перевела взгляд на Мейбл. Та послушно кивнула, а я, пользуясь тем, что все внимание приковано к соседке, фыркнула. Но тут же приняла самый одухотворенный вид: закатила глаза и оскалила зубы, изображая счастливую невесту.

Мисс Клавдия вновь посмотрела на меня и вздрогнула. Ее рука сама потянулась вверх – сотворить оберегающий знак. Но наставница тут же спохватилась и сделала вид, что поправляет прядь волос, выбившуюся из тугого узла на затылке.

– Итак, девушки, – произнесла она. – Сегодня мы побеседуем о спальне. А именно о том, что необходимо говорить супругу в столь интимной обстановке, в особенности в самую первую ночь. Да, мисс Трудей?

– А как мы узнаем, что настал момент говорить? – прогнусавила толстушка, сидевшая в первых рядах.

Насколько я знала, у нее были не слишком состоятельные родители, которые просто выбивались из сил, чтобы их дочь училась в пансионе и в результате удачно вышла замуж.

– Не волнуйтесь, вы его не пропустите хотя бы потому, что ваш супруг будет полуодет... – Мисс Клавдия мечтательно закатила глаза, чем заслужила еще несколько сдавленных смешков. Она тут же поправила очки на переносице и продолжила более громко: – Итак, запомните, а еще лучше – запишите. Мужчины – существа с тонкой душевной организацией, их успехи напрямую зависят от одобрения окружающих, посему их необходимо хвалить! При этом ваша похвала должна быть неординарной, чтобы супруг считал, что вы говорите совершенно искренне. Итак, задание: придумать похвалу. Кто первый? Мисс Элли?

Кукольная блондинка вскинула изумленные глаза на учительницу.

– Я... я не знаю, – пропела она. – Вчера нам говорили про длину...

– Длину чего? – мисс Клавдия слегка покраснела, а девочки снова захихикали.

– Стиха...

– Поэзия – это прекрасно, и, возможно, ваш супруг продекламирует вам в спальне какие-нибудь вирши. Но я советую вам похвалить его генофонд, – подсказала мисс Клавдия, нетерпеливо поглядывая на ученицу. – Попробуйте!

Элли взмахнула ресницами, имитируя восторг:

- Какой у вас длин... огромный генофонд?

Смешки сменились откровенным хихиканьем.

- Уже лучше, - вздохнула мисс Клавдия, махнув рукой. - Садитесь.

- А генофонд не помешает исполнению супружеского долга? - спросил кто-то за спиной (оборачиваться я не стала, чтобы не привлекать внимания наставницы, а то еще заставит придумывать эпитеты к слову «генофонд»).

- Не думаю, - отозвалась учительница.

- А что помешает? - вдруг спросила Мейбл.

Она повернулась и с какой-то обреченностью взглянула на преподавательницу. Взгляд последней слегка смягчился.

- Самое главное: ни в коем случае не упоминайте головную боль. Мужчины этого не любят. В вашем случае, моя дорогая, я бы ссылалась на астрологические прогнозы. Например, вы могли бы объяснить супругу, что Дева находится в седьмом доме Стрельца, а это не лучший месяц для зачатия, ибо велика вероятность рождения нездорового ребенка или - еще хуже - девочки!

- В случае с Мейбл, сколько бы Дева ни бродила по домам, вероятность рождения ребенка очень мала. Но у старикана все равно разыграет желание продемонстрировать генофонд... - фыркнула я. - И тогда Деве останется полный Стрелец!

- Леди де Кресси! - строго одернула меня наставница.

Я послушно встала.

- Мисс Клавдия?

– С чего вы делаете такие выводы? – учительница посмотрела на меня поверх очков.

– Если бы вы видели этого Годфри... не думаю, что какая-то Дева, особенно если она в седьмом доме, сможет остановить этого борова!

– Вам не стоит так отзываться о мистере Годфри! – строго одернула меня наставница.

Я пожала плечами:

– Я могу о нем вообще не отзываться, но, к сожалению, его внешность и, главное, манеры от этого не изменятся.

Мейбл вздохнула, часто заморгала и отвернулась.

– Может быть, Мейбл надо надеть пояс верности! – подсказала одна из учениц. – И сказать, будто она потеряла ключ.

– Боюсь, что в этом случае просто позовут слесаря, – фыркнула Мейбл, украдкой смахнув слезинку. – Не думаю, что ему будет интересно услышать про генофонд.

– Слышать про генофонд приятно всем, – возразила мисс Клавдия. – Кстати, совершенно не исключено, что генофонд слесаря окажется более впечатляющим.

– Это зависит от возраста слесаря, а также от его умения владеть своим инструментом, – подсказал кто-то с задних рядов.

Последние слова потонули в дружном хохоте, а наставница покраснела.

– Девочки, тише! – призвала к порядку она. – Итак, помимо похвалы вы можете показать интерес к увлечениям мужа. Например, если он увлекается оружием, можете попросить супруга продемонстрировать коллекцию.

– Главное – не просить вытаскивать кинжал из ножен! – снова хихикнул кто-то. – Особенно в спальне.

– А может быть, Мейбл стоит попросить положить меч в супружескую кровать? – оживилась Лизетта, вспомнив древние легенды. – Говорят, этот магический обряд должен уберечь от беды...

Я громко фыркнула: ну скажите на милость, кому и когда мешала огромная железяка? Да этот Годфри со своим толстым пузом ее даже не заметит! Мейбл, словно читая мои мысли, лишь горько усмехнулась.

– По-моему, Мейбл поможет лишь яд, – заметила я.

Девочки испуганно притихли, чтобы спустя мгновение взорваться:

– Амелия, ты что?

– Ты хочешь, чтобы Мейбл...

– Да как она его подсыплет?

– Или она сама должна его выпить...

– Леди де Кресси, – строгий голос учительницы перекрыл гвалт. – Поясните свою мысль.

– Все и так ясно, – пожала плечами я. – Давайте не будем отрицать очевидного: наверняка джентльменов в их школах тоже учат тому, какие отговорки придумывают женщины... Да и сами они не дураки. Отговорками можно лишь отсрочить неизбежное...

– Довольно! – оборвала меня мисс Клавдия. От досады она даже покраснелась. – В любом случае жена должна угождать мужу во всем! И если вам неприятно присутствие мужа в спальне, просто постарайтесь отвлечься. Думайте о новом наряде или украшении, которое вы получите, если супруг останется доволен!

– Ну... – протянула Лизетта. – Платье можно и самой купить, все равно муж обязан будет оплатить все счета жены...

– А потом выпороть за расточительство, – пробурчала я. – Говорят, это нынче модно.

– Леди де Кресси! – взорвалась мисс Клавдия. – Вы... вы дерзкая и невоспитанная девчонка!

– Возможно. Но уверяю вас, мисс Клавдия, я не буду хвалить супруга за несуществующие достоинства. – И, вспомнив о Рейнарде Аттисоне, мстительно добавила: – Да я вообще не буду его хвалить, раз уж его успехи так зависят от мнения окружающих... особенно в спальне!

Девочки ахнули, а наставница нахмурилась.

– Леди де Кресси! К завтрашнему дню вы подготовите мне эссе на тему «Супружеская спальня. Правила поведения и приличия»! – непререкаемым тоном произнесла она, вновь поправив очки на переносице. – Более того, вы покажете свою работу госпоже директрисе!

Я хотела язвительно возразить, но тут в комнату заглянула одна из служанок и сообщила, что леди де Кресси ожидает ее жених. Отказаться было невозможно.

Под завистливое шушуканье девочек мне пришлось проследовать за ней в специальную комнату для свиданий. Будто мы не в пансионе, а в борделе живем, честное слово!

Граф Рейнард Аттисон уже находился там, нетерпеливо прохаживаясь вдоль деревянной решетки, разграничивавшей комнату на две части. С обеих сторон от решетки стояли неудобные скамьи из темного дерева.

Как правило, визитеры садились на одну скамью, пансионеры – на вторую, но мой жених пренебрег этой вековой традицией. При виде меня он подошел к решетке и остановился, покачиваясь с носка на пятку и нетерпеливо похлопывая перчатками по ладони. Похоже, этот человек просто не мог стоять на месте спокойно.

Я, напротив, замерла, как и положено скромной девушке, оскорбленной поведением мужчины. Из-под опущенных ресниц я рассматривала своего

жениха, пытаюсь найти в нем хоть что-то положительное, что бы скрасило мое замужество.

Достаточно высокий, широкоплечий и подтянутый, граф Аттисон обладал приятной наружностью. Признаться, в костюме для верховой езды и начищенных до блеска сапогах он выглядел весьма привлекательно. Темные волосы уложены с нарочитой небрежностью, золотистый загар и голубые глаза, опущенные длинными темными ресницами. Я почти поддаюсь этому очарованию. Пришлось строго напомнить себе, что передо мной стоит человек, который даже не удосужился попросить описание своей невесты и готов был взять в жены любую девушку, одетую в белое платье.

– Леди де Кресси.

Мой жених старательно поклонился.

– Ваша светлость. – Я присела в заученном реверансе. – Чем обязана?

– Я бы хотел извиниться за свои необдуманные слова на балу, – ответил граф Аттисон, и, видя, что я не понимаю (точнее, делаю вид, что не понимаю), пояснил: – Я назвал вас авантюристкой.

– А, это, – отмахнулась я. – Не берите в голову. Я сразу же забыла про это.

– Вы великодушны.

– Просто не обращаю внимание на дур... глупости.

– Вы считаете меня ду... глупым?

Он прищурил глаза. Я лишь пожала плечами и, как нас учили в пансионе, сделала вид, что занята оборками своего платья.

– Я жду ответа, – резковато напомнил мой собеседник.

Я подняла на него широко распахнутые очи:

- Согласитесь, не слишком умно идти на бал знакомиться с невестой, имея лишь описание ее платья?

- Ваши родители уверили меня, что вы будете именно в нем!

- И вы не подумали, что я могу иметь собственное мнение? Хорошую же жену вы ожидали заполучить!

- Я подумал, что вы послушная юная леди и не станете перечить родителям!

- Я и не перечила.

- Вы не надели платье!

- Неправда! Платье на мне было. Ну а то, что оно не оправдало ваших ожиданий, так, может быть, и с браком будет так же?

- Простите?

- Он тоже может не оправдать ваших ожиданий, - охотно пояснила я. - И что тогда вы будете делать? Заведете любовницу? Бросите меня одну чахнуть от тоски и будете ждать, пока я умру?

- Что? - ошарашенно переспросил граф, но я уже вошла в раж.

- Я буду медленно угасать, пока окончательно не ослабну, и тогда, одетая в белое платье, то самое, я буду возлежать на родовой кровати Аттисонов. Вас известят, но, увы, вы опять запомните лишь описание платья... а потом станет слишком поздно, и вы всю жизнь будете мучиться, что погубили юную деву...

- Что за бред! - воскликнул мой жених. - Вы не собираетесь умирать! А я не собираюсь заводить любовницу!

- Вас не интересуют женщины? - ахнула я. - Тогда все еще хуже, чем я предполагала.

– Меня интересуют женщины... тьфу! – Он нервно прошелся по комнате. – У меня от вас голова идет кругом!

– Вы сказали «женщины», значит, их было много?

– Да какая вам разница! Вы вообще об этом знать не должны! – возмутился граф.

– То есть вы будете скрывать от меня свои связи? А потом какая-нибудь несчастная женщина подкараулит меня у крыльца и протянет мне плод вашей с ней любви...

– О господи, – почти простонал Аттисон. В его глазах читался ужас.

Я из последних сил сдерживала довольную улыбку: если мой жених решит, что я ненормальная экзальтированная барышня, то, возможно, откажется от свадьбы. Увы, он оказался крепче, чем я думала.

– Такое вряд ли случится, – холодно заметил он. – Полагаю, мне придется приложить некоторые... гм... усилия, чтобы эти мысли больше никогда не беспокоили вас.

– Интересно, как вы собираетесь это сделать.

Я заметила, что глаза жениха опасно заблестели. Кажется, план сработал даже лучше, чем мне представлялось.

– Очень просто: надрать вам уши, – пояснил граф Аттисон.

Это была не совсем та реакция, какой я добивалась, но я, скрывая собственное разочарование, фыркнула:

– Значит, я не ошиблась: вы действительно из тех мужчин, кто получает удовольствие от насилия...

Судя по выражению лица жениха, если до этого он и не получал удовольствия от насилия, то теперь придушил бы меня с большим наслаждением.

– Если вы так настаиваете, я постараюсь не разочаровывать вас, – процедил он сквозь зубы таким тоном, что я невольно вздрогнула и на всякий случай покосилась на решетку: выдержит ли.

– Она достаточно хлипкая, – граф перехватил мой взгляд. – Так что на вашем месте я бы поостерегся от дальнейшей беседы в таком тоне.

– В этом случае, граф, мне не о чем больше говорить с вами! – прошептала я и, не дожидаясь ответа, поспешила прочь.

– До скорой встречи! – зловеще прозвучало за спиной.

Я лишь повела плечами, давая понять, что мне все равно, но сердце тревожно стучало в груди. Несмотря на все мои старания, граф Аттисон не намеревался отказываться от своих притязаний.

Мейбл

После бала прошло несколько дней, а я все никак не могла успокоиться. Приятные воспоминания, сколь ни горько, отошли на второй план. Их вытеснило одно-единственное событие: знакомство с мистером Годфри. И осознание, что свадьба состоится в самом ближайшем будущем.

У меня пропал аппетит, я мало спала и весьма посредственно относилась к занятиям. К счастью, наставницы относились к этому факту снисходительно. Все понимали, что мне недолго оставалось ходить в ученицах. Понимала это и я, но скорое освобождение из пансиона не радовало.

Я давно уже не хватала с неба звезд (в переносном смысле; в прямом я была бы как раз не прочь, учитывая недюжинный интерес к астрономии). Я была морально готова к тому, что мое положение никогда не будет таким, как прежде. Отсутствие свободных денег, собственного дома, необходимость работать, безбрачие – все это я вполне способна была принять. Но жить под одной крышей с мистером Годфри и полностью от него зависеть – этого я даже представить себе не могла. Хотя тщательно пыталась. Говорят, если как следует представишь некие обстоятельства в своем воображении, то пересташь их

бояться. Мне это упражнение не помогало. Чем сильнее я напрягала собственную фантазию, тем более пугающим казалось будущее. Я даже попыталась изобразить нас с женихом на бумаге. Мне неплохо даются рисование и черчение. В итоге эта работа заставила меня занервничать еще сильнее, настолько, что пришлось срочно изображать между нами кирпичную стенку.

Словом, мое душевное состояние было, если можно так выразиться, шатким. Положение усугубляло еще и то, что меня все сильнее раздражала соседка по комнате. Мы оказались товарищами по несчастью, что в принципе могло бы нас сблизить. Обе в скором времени выходили замуж, и обе не по своей воле. Но я все равно считала, что ситуация Амелии кардинально отличается от моей. Как можно страдать, да еще и столь открыто, если твой жених – Рейнард Аттисон? Да, понимаю, Амелия не испытывает к нему нежных чувств. Допустим, о любви речи не идет. Но что с того? По моему глубокому убеждению, страсть совершенно не обязательна для благополучного брака. Рейнард – хороший человек. Умный, достойный, воспитанный. Он привлекателен внешне. У него подходящий для жениха возраст. А в придачу ко всем этим достоинствам он еще и богат, и занимает высокое положение в обществе... да к тому же прекрасно целуется.

Чем ее не устраивает такой брак?

Рейнард даже приходил к нам в пансион. С Амелией встречался, со мной – нет, и я, признаться, здорово ей завидовала.

Но самое странное – я постоянно натыкалась на соседку, которая при виде меня делала вид, будто идет по своим делам. Признаться, это меня слегка озадачивало.

Я уже начала подозревать, что граф Аттисон рассказал своей невесте и о нашем разговоре, и о поцелуе. Амелия пыталась поговорить со мной, но, признаться, я была не готова к откровениям и потому решительно пресекла эти попытки.

Словом, назвать нас соперницами, по-хорошему, было нельзя, но и беседовать с соседкой по душам меня не тянуло. И когда в моем мозгу созрело окончательное решение, я не обмолвилась ей ни словом, а вместо этого обратилась к старой, проверенной подруге.

– Бежать?!

Лизетта затихла, когда я приложила палец к губам, а затем заговорила, ощутимо понизив голос.

– Но это же опасно! И потом – куда? Домой, в поместье?

– Да что ты! – отмахнулась я. – К мачехе? Какой смысл? Она просто запрет меня в комнате и напишет мистеру Годфри. Недели не пройдет, как нас прямо там и обвенчают. Нет, домой нельзя.

Лизетта поджала губы, уставилась в пол, покрытый простеньким плетеным ковром. Такие лежали во всех наших комнатах, абсолютно одинаковые, только цвета разнились: у кого-то синий чередовался с фиолетовым, у кого-то – оранжевый с желтым.

– К моим тоже нельзя, – сокрушенно покачала головой подруга. – Выдадут. Как пить дать выдадут. Не поймут. И меня бы не поняли, а ты для них – чужой человек.

На помощь родственников Лизетты я и не рассчитывала, так что совершенно спокойно кивнула.

– А куда же тогда? – растерянно спросила она.

– Я уже все продумала. – В моем голосе было больше уверенности, чем я испытывала в действительности. Для кого я в тот момент держала лицо, для себя или для Лизетты, сказать трудно. – У меня есть троюродная сестра, Анита Белстоун. Мы с ней когда-то были очень дружны. Правда, с тех пор прошло немало лет, но это единственная моя надежда. Придется пойти на риск. Попрошу у нее убежища. Буду помогать по дому, ребенка нянчить (она не так давно родила), счетные книги вести, если доверят, шить... В общем, все что угодно. Авось не прогонят. Отца моего Анита в свое время любила как родного дядюшку, а мачеху она в глаза не видела. Словом, попытаю счастья.

– Какая же ты смелая! – восхищенно воскликнула Лизетта, обнимая меня в порыве чувств. – Я бы, наверное, никогда так не смогла. Решили бы выдать меня

замуж – пошла бы молча, как корова на заклание... А ты молодец, ты берешь судьбу в свои руки! Только так и до`лжно поступать!

– Это от отчаяния, – призналась я, с опаской оглядываясь: от переизбытка эмоций подруга опять забыла о конспирации.

В комнате мы были одни: соседка Лизетты ходила в этот час на дополнительные занятия музыкой. И все-таки боязно: мало ли кто мог подслушивать там, за дверью. На всякий случай я встала с застеленной кровати, на которой мы прежде сидели вдвоем, сунула босые ноги в домашние туфли и на цыпочках подошла к двери. Распахнула, никого с той стороны не увидела и успокоилась.

– Самое главное теперь – понять, как все правильно сделать, – зашептала я, возвращаясь на прежнее место. – Дело в том, что Анита живет далеко отсюда, в Брукли.

– Это же на самой северной границе! – поразились подруга.

– В том-то и дело. Я примерно представляю себе, как добраться туда почтовыми каретами, хотя путь, конечно, предстоит неблизкий. Но не прямо же отсюда. Сначала надо попасть либо в столицу, на центральную почтовую станцию, либо на Западную заставу.

Военных действий в наше время не велось, и упомянутая выше застава давно перестала быть укрепленным пунктом. Но с прежних времен там сохранилась крепость, а вместе с ней и название. Сейчас в тех краях можно было нанять экипаж почти в любом направлении.

– Тогда мне придется сменить карету всего два, в крайнем случае, три раза, – продолжала рассуждать я.

Увы, нанять персональный кеб, который сразу помчал бы меня непосредственно в Брукли, возможным не представлялось. Учитывая большое расстояние, это слишком дорого стоило. Поэтому приходилось пользоваться теми экипажами, которые набирали по четыре пассажира и двигались по фиксированным маршрутам. Если дорога выдавалась долгой, все путешественники, включая кучера, останавливались переночевать в придорожных трактирах, а наутро в прежнем составе продолжали путь.

– А знаешь, тут я, наверное, смогу тебе помочь, – проговорила Лизетта, поднимая голову. – Есть один человек... В общем, я смогу договориться, чтобы за тобой приехал кучер и довез прямо до столичной почтовой станции. Бесплатно. И держать язык за зубами тоже будет.

– Спасибо!

Настала моя очередь броситься подруге на шею. Все-таки как хорошо Лизетта меня понимала! Осознавала, что решение я приняла самое что ни на есть рискованное, но не стала отговаривать, неодобрительно качать головой, сеять панику. Нет, она внимательно меня выслушала, поняла, сколь серьезно я настроена, и сосредоточилась на том, чем может помочь. Именно такими должны быть настоящие подруги. Жаль, что нам придется расстаться, но, надеюсь, это не навсегда. К тому же существует почта, и у меня хватит денег на то, чтобы иногда отправлять письма по ускоренному, магическому, каналу.

– Мне потребуется два дня, чтобы обо всем договориться, – прикинув, сообщила Лизетта. – Но остается еще одна сложность. Как ты выберешься из пансиона?

Обсуждение этого вопроса заняло чуть больше времени, но и тут мы сумели найти перспективное решение.

Три дня спустя, в шесть часов вечера, я стояла на пересечении двух безлюдных улиц и стряхивала с капюшона капли дождя. Кованый забор, огораживавший территорию пансиона Святой Матильды, остался совсем недалеко; я и сейчас отлично видела железные прутья, отчего-то наводившие на мысль о тюрьме. К счастью, с той стороны меня разглядеть не могли: на этом участке вплотную к ограде подступали высокие деревья, не позволявшие всяким проходимцам заглядываться на прогуливающихся по парку пансионеров. Впрочем, вряд ли кому-то пришла бы мысль выйти на прогулку сейчас, когда потемневшее небо спустилось, казалось, к самым крышам, а тучи грозились пролиться очередным обильным дождем. Предыдущий закончился совсем недавно. Струи все еще гулко бежали по водостокам, а на дороге изобиловали лужи, некоторые из них – весьма грязные и глубокие.

Я нервно вздохнула и постаралась закутаться поплотнее. Обменяться плащом с одной из наших горничных, чтобы потом под видом прислуги выскользнуть за ворота, оказалось совсем не сложно. За это даже приплачивать не пришлось. Мой собственный плащ стоил значительно дороже, и, продав его, девушка получала хорошую прибыль. Вообще же схема с переодеванием была, как выяснилось, неплохо отработана. Некоторые пансионерки посмелее бегали таким образом на свидания или даже просто в модные лавки.

Словом, пансион я покинула с большей легкостью, чем ожидала. Проблемы начались на следующем этапе. Вернее, одна большая проблема. Карета, которая должна была забрать меня с перекрестка и доставить до почтовой станции, все не приезжала. Я ждала здесь уже очень долго, до неприличия долго для молодой девушки, если говорить откровенно. Сначала солнце еще выглядывало из-за облаков, потом зарядил дождь, от которого меня худо-бедно спасали ветви разросшейся у дороги липы, потом он прекратился. Изредка мимо проезжали экипажи, еще реже пробегали незадачливые прохожие под зонтами со стальными каркасами. Все спешили по своим делам, и никто не обращал внимания на одинокую женскую фигуру. Оно бы и к лучшему, но, главное, никто не снижал скорости и целенаправленно меня не искал.

Не знаю, сколько я так простояла, кутаясь в плащ на промозгом ветру. Часов у меня не было: этот предмет вообще отчего-то не полагался благопристойной девушке. Видимо, в обществе считалось, что следить за временем должны исключительно мужчины. Так или иначе, я успела увериться, что карета за мной не приедет. Произошла какая-то ошибка, быть может, кучер перепутал адрес или просто не смог выбраться: он ведь рабочий человек и наверняка не всегда располагает своим временем. Сама я раз пятнадцать проверила таблички с названием улиц, и все пятнадцать раз они идеально совпадали с данным мне адресом. Словом, я уже стала подумывать о том, чтобы вернуться в пансион. Но от этой мысли делалось так тоскливо, что я все стояла и стояла под темным небом, между уличным фонарем и старой липой, стояла, уже ничего не ожидая, просто оттого, что некуда было идти.

Когда мимо проехал очередной экипаж, я даже особенно не отреагировала. Он, как и прочие, двигался быстро, да и был совсем не похож на тот, что описала мне Лизетта. Роскошный, дорогой, с резными рисунками на дверцах. В придачу на задке был пристроен огромный сундук. Ясное дело, карета не пустовала. Я даже отвернулась: взгляд привлек свет, загоревшийся в одном из окошек. В этот момент колесо кареты проехало прямо по луже, и меня щедро окатило грязью.

Я вскрикнула и успела вовремя отскочить: заднее колесо в точности повторило путь переднего, но теперь на мой плащ попали лишь совсем мелкие брызги. Я принялась брезгливо отряхиваться, отлично, впрочем, понимая, что ничего, кроме основательной стирки, одежду не спасет. Кучер грубо проорал что-то про баб, которые не смотрят, куда идут. Отчего-то в подобных ситуациях люди всегда склонны винить кого угодно, но только не себя. Впрочем, я и без того была настолько расстроена, что неодобрение постороннего человека огорчить еще сильнее уже не могло.

Карета успела проехать лишь несколько ярдов, когда кучер внезапно натянул поводья. Пара остановилась, недовольно всхрапывая. Я внутренне подобралась, готовая в случае необходимости спасаться бегством. Этот болезный что же, еще и отношения со мной надумал выяснять? Но почти сразу стало ясно, что заминка была не его инициативой. Дверца кареты распахнулась, и на улицу, пригнув голову, выбрался мужчина в наспех наброшенном плаще. С опаской взглянул на небо, справедливо ожидая от собравшихся туч самого худшего, но капюшон надевать не стал. Вместо этого торопливо зашагал ко мне, впрочем предусмотрительно обходя злополучную лужу. На всякий случай я отступила поближе к фонарному столбу, хотя вряд ли этот предмет имел шанс хоть как-то мне помочь при неблагоприятном развитии событий.

– Леди, вы в порядке? – беспокоенно спросил мужчина.

От испортившегося вконец настроения так и тянуло едко спросить: «Неужели я похожа на леди?» В самом деле, в плаще горничной, основательно перепачканном в грязи, после нескольких часов стояния на улице, я вряд ли выглядела прилично. В отличие от своего, если можно так выразиться, собеседника: он-то как раз был одет как джентльмен. Белая рубашка, темно-синие брюки и такой же сюртук, и даже галстук на месте. Правда, узел немного ослаблен, но это в дороге вполне простительно.

Так и не дождавшись ответа, незнакомец снова заговорил:

– Не сердитесь на моего слугу. Он неплохой парень, но совершенно не умеет признавать свою неправоту.

– Отчего это не умею? Очень даже умею, – донеслось с козел. – Когда не прав, тогда не прав. Но вот ежели, к примеру...

– Гарри, помолчи! – рявкнул хозяин кареты.

И, извиняясь передо мной, развел руками. Кучер кашлянул, что-то буркнул себе под нос, но спорить на сей раз не осмелился.

– Мне нет никакого дела до вашего слуги, – наконец раскрыла рот я, и сама удивилась, осознав, что голос дрожит от холода.

– Я могу вам как-то помочь?

Он был сама любезность, но в той глупой ситуации, в которую я попала, это скорее злило, чем радовало. Вдобавок мужчина попытался воплотить свое предложение в жизнь и отряхнуть мою одежду, в результате чего я испуганно отшатнулась.

– Моему плащу поможет разве что хорошая стирка, – отрезала я. – Только не говорите, что незамедлительно этим займетесь.

– Не буду. – Он криво улыбнулся, и тем не менее улыбка отчего-то вышла приятной. Я позволила себе чуть-чуть расслабиться. – Я, знаете ли, в этом не силен. И все-таки я не могу оставить вас вот так, без всякой помощи. Может быть, скажете, как вы оказались здесь одна?

– Экипаж не приехал, – призналась я, вздохнув.

– Так это же проще простого, – оживился незнакомец. – Давайте я вас подвезу.

– Это далеко, – усмехнулась я.

– Не страшно.

– Нет, тут лучше бы разобраться, – снова вмешался кучер. – Подвозить-то, чай, будете не вы, подвозить будет старина Гарри да наши бедные клячи.

Я невольно перевела взгляд на достаточно упитанных и красивых серых коней, запряженных в карету, они многозначительно промолчали.

– Лучше не начинай! – Хозяин резко обернулся к кучеру. Тот насупился, но промолчал.

– Неважно, – покачала головой я. – Мне совсем далеко, вы такой крюк делать не станете.

– Давайте проверим.

– Хорошо: что вы скажете насчет Западной заставы? – ехидно осведомилась я, с некоторым удовлетворением наблюдая, как у моего собеседника вытягивается лицо.

– И вправду далековато, – признал он наконец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kablukova_ol-ga/institut-ideal-nyh-zhen

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)